

№1
2020

Музыка России Два года

18+

Литературно-художественный журнал Могучий русский динозавр. №1 2020 г.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64757271
Могучий Русский Динозавр: Чтиво; СПб.; 2020

Аннотация

В начале было Чтиво. Затем родился Русский Динозавр. Вместе они плечом к плечу стояли на защите интересов современной малой прозы, публикуя для вас лучшие рассказы современников. Теперь журнал вырос, и настала пора отпустить его в свободное плавание. Ну а в Чтиве будет выходить ежегодник: двенадцать избранных рассказов, двенадцать авторов под одной обложкой – итог двенадцати месяцев работы журнала, и первый номер уже здесь. Держись, читатель, ибо Русский Динозавр воистину могуч!

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Батюшка	5
Прекрасное далёко	17
Ущерб	37
Спокойной ночи	45
Чисто османское убийство	51
Домашнее чтение	68
Журнал Photo Metro	82
Серёга	88
Поезд Москва – Нью-Йорк	116
Сказка про шамана и море	127
Клетка	136
За мужем	147

Журнал
Могучий Русский
Динозавр. №1 2020 г.

© ЧТИВО, 2020

Батюшка Николай Старообрядцев

Иллюстрация Натальи Коваленко

Мать говорит – иди к мужикам, потолкуй как положено, может, посоветуют кого. Пошёл к мужикам. Надо в магазин зайти. За бутылкой. Сколько с меня? Закусывать возьмите что-то. Да что я возьму? Вон, хоть колбасы пол-палки. Тянет

мне. И хлеба тогда уж дайте. Целый не надо. Четвертинку. Аккуратнее! Вся мелочь просыпалась. Ползай теперь по полу. Хоть бы помог кто. Сколько грязи под прилавками. Подмели бы. Разберёмся. Управился. Пятнадцать копеек не хватает. Потом занесёшь. Занесу-занесу, не забыть бы. Уж не забудь. Напомню, если что.

Мужики уже в сборе. Место встречи изменить нельзя. Глеб Жиглов и Володя Шарапов. Что пришёл? Бутылка где? Шею намалим. Здесь. Щас сделаем. И колбасу взял. Человек с большой буквы. Можно положиться. Разливай, хватит разглагольствовать. Эх, дрянь. А хорошо пошла! Колбаска жирная. А правда, что колбасу из туалетной бумаги делают? Правда. Из чего же ещё её делать? Из дерьма собачьего. Откуда тогда в ней жир? Лучше не спрашивай. И всё же? Любопытно. Из твоих же кишок. Между первой и второй. Покурим давай. Я не курю. Хоть так постой с сигаретой. Для уважения. Постояю. Когда пьёшь, то и покурить можно. Нормально. Нет, мужики, мне совет нужен. Повезло тебе, что родился в стране советов. Только без шуток. Да какое там! Своему – всегда. Нужно мне женщину. А кому не нужно? Ишь ты, выискался. Ты, значит, холостой? Так бы сразу сказал. А я чего? Правильно. Вот именно. Так точно. Есть тут одна. Интеллигентная баба. Не, ему попроще. Да чего попроще? Я уважаю, если с умом. Давай эту. Тащи бумажку и карандаш. Зачем бумажку, я так запомню. Нет, не запомнишь.

Говорят тебе, бумажку тащи. Где же я её откопаю? А колбаса во что завёрнута? Вот. Карандаш-то есть? Нет, ручкой не напишешь. По жирному не пойдёт. Надо всегда карандаш с собой носить. Да сломается же. А ты осторожно носи. Мало ли что. Во всяком деле важна осторожность. Ну что, нет карандаша? Всё значит. Да не бойсь! Своих не бросаем. У Стёпки химический. Он бухгалтером был. Выгнали. Но с карандашом не расстаётся. Это голова. Послунявь только. Писать не будет. Ещё послунявь. Во рту пересохло. Тьфу ты! Пожуй колбаски. Степан Кириллович, послунявь ты ему карандаш. Не в службу, а в дружбу. Прощке дайте. У него за-всегда слюны полный рот. Всю землю заплевал. Антихрист. А ты рюмочку поднеси. Слюнявь давай, не выёживайся. Вот, теперь пишет. Так, рисуй. Как там у неё?

Расписали всё как есть. Сегодня что ли идти? Поздно уже. Протрезветь бы. Неудобно. Мать говорит, завтра выходной. Встанешь со свежей головой, чистое наденешь и дойдёшь. Потолкуете. Как люди. Тут нужно обстоятельно. Без спешки. Сядете и поговорите. Вы люди взрослые.

Где тут звонок? Или постучать? Не интеллигентно. Вижу. Ишь ты! Как птичка заливается. Соловей. Ну так что? Сейчас так делают. Володька сам спаял. Сосед. По площадке. В радиокружке занимается. Только нос высоко задирает. Но парень нормальный. Руки золотые. Учится хорошо. Я бы

и сам такой спаял, да некогда. В журнале Радио схема была. Паяльника нет. Уйти, может? Чего топтаться на месте. Решит, что мне больше податься некуда. Идёт кто-то. Значит, дома. На два замка закрывает. Какая толстая. Неприятно. А мужики говорят, это хорошо. Сок. Но лицо симпатичное, свежее. Проходите. Лицо у вас знакомое. Нет, не встречались. На какого-то артиста похожи. Да какой из меня артист? Я человек незатейливый. А я комплимент хотела. Спасибо. Ну проходите же. Я ненадолго. Понимаю. Чай будете? Нет. Можно стакан воды? Во рту пересохло. Хотите Эссен-туки? Можно из-под крана? Ничего, я всегда пью. Желудок крепкий. Повезло вам. Вкусно. Правда? Да, спасибо. У вас тут сиренью пахнет. Дезодорантом набрызгано. От запаха. Прокисло что-то. Пойду. Стойте, вы же не сказали. Да. Скажу. Конечно, говорите. Я хочу с вами сожительствовать. В каком смысле? В прямом. И в переносном тоже. Это хорошо. Что хорошо? Что вы прямо говорите. Мужчина должен говорить прямо. Да, в прямом смысле. И в переносном? Да. Это тоже нужно. Проходите же. Вы согласны? Я же говорю. У вас есть бумажка? Какая? Чтобы записать. Я напишу, что нужно. Вот, есть такая. Какая жирная. Колбасу заворачивали. Вам бы поменьше жирного есть. А как же без жирного? Ведь это тоже нужно. Если в меру. Здесь мой адрес. Мне написали. На другой стороне можно. Тут всё в пятнах. У вас нет блокнота? Был. Но кончился. Что вы там писали, если не секрет? Да так, пустяки. Что купить, что сделать. Подумала, что

стихи. Простите. Ничего. Он не толстый был. Не беспокойтесь. Я принесу. Сейчас. Вот, пожалуйста. Чистый. Здесь и напишем. Зачем такой большой? Оторвите. Лучше пополам. Правильно, так удобнее. У вас есть карандаш? Нет. Нужно носить с собой. Впрочем, у вас же нет блокнота. Не волнуйтесь. У меня был где-то. Вот, нашла. Первое. Не мыться. Я понятно пишу? Красивый почерк. Мне приятно. Если что-то неразборчиво, я заново. Нет, всё очень разборчиво. Если хотите, записывайте сами. У меня намного хуже. Ах, да. Придёте через неделю. В субботу. Вечером. В пять? Нет, давайте к восьми. Как стемнеет. Найдёте подъезд? У меня бумажка. Её отдайте, не надо с собой носить. Я сожгу. У себя. В пепельнице. Тогда я запомню, когда обратно пойду. Хорошенько запоминайте. Будет темно. Итак. Не мыться. Что дальше? Лица не брить, не умывать. Волос не стричь. А я думал, в парикмахерскую. Нет. Категорически. Это после. Ногти. Короткие у вас ногти. За неделю должны чуть подрасти. Ногтей не стричь. Не чистить. Пусть с грязью. Не чистить зубов. Будет запах. Ни в коем случае. Пожуйте кофейное зерно. Или лист петрушки. Бельё не менять. В церковь не заходить. И нечего. Уши тоже. Не мыть, не чистить. А сморкаться? Нежелательно. Как же? Впрочем, если надо, то в один платок и его с собой. Что принести? Свою подушку. Раз. Нет, новую не надо. На которой спите. Дальше. Воск церковных свечей. Оплавленный. Надо достать. Подумайте. Поговорите со знакомыми. Фольгу кулинарную. Один рулон. Я разборчиво на-

писала. Да. Здесь подправлю. Я буду чёрточки ставить. Понятно. Через какую букву? Не знаю. Голову чёрного кота. Да, нужно будет отрезать. Нет, только от живого. Не морозить. С пятнами можно. Но не много. Чтобы чёрный. Взрослый. Самца. Пусть лежит, как есть. Вся комната провоняет. Мать будет сердиться. Спрячьте на улице. Можно в землю зарыть. Только глубже. Собаки раскопают. Или дети. Нарисуйте карту. Но лучше дома. Вы не курите? Нет. Это жалко. Я могу иногда. Посмотрим. Кажется, всё. Ступайте теперь. Ручку. Не целуйте. Не надо спешить. Это успеется. В прямом. Положите в карман. Не потеряйте. До свидания. Был рад. Где всё это раздобыть? Это не за бутылкой в магазин. Нужно матери список показать. Поговорили. Такие дела. Понравилась? Ничего. Стерпится, как говорится. Лишь бы начать. А там уж разберётесь. Задала задачку бабонька! Что тут? Фольга. На кухню сходи. На верхней полке должна быть. Только кусочек оторвала. Что, есть? Хватит? На что она ей, не говорила? Целый рулон. Курицу хочет запечь. Или рыбу. Должно хватить. За глаза. Наволочку дать чистую? Возьми отдельно. Пригодится. Семейная жизнь – дело такое. А где же я тебе воск раздобуду? В церковь сходи. Написано не ходить. Я свояченице скажу. Она у нас шибко верующая. Всё за батюшками увивается. Всяко знает, где такой воск раздобыть. Голову чёрного кота. Зачем ещё? Что опять придумали? Не может теперь молодёжь без выкрутасов. Примета? Не знаю такой приметы. За котом сам гоняйся. Ты взрослый человек.

Как же я поймаю? Откуда мне знать. Мешок накинь. Смотри только, чтобы он тебе глаза не выцарапал. Где? Котов у нас мало? К помойке вечером выйди и выбирай. Любой масти. Чёрного надо. Не видела. Стой! Чего же это я. Володька-то, сосед наш. Прикормил ведь кота. И чёрный. Как раз. Нет, не домашний. Да что Володька? Он маленький. Шестой класс? Ну и что? Поиграется и забудет. Вой поднимет. Пусть только попробует. Люди уже жалуются. Кот пакостит. Под дверями мяучит. Житья от этих кошек не стало. Голову отрезать. Жалко. А курицу жрать не жалко? Ежели каждую тварь жалеть, то что же это будет? Тебе же для дела. Принеси телефон. И записную. Там суп тебе.

Кыс-кыс! Поешь колбаски. Жирненькая. Иди-иди. Ну-ка. Хороший кот. Кыс! Хороший. Иди. Не обижу. Стой. Ай, больно! Когти бы тебе вырвать. Зверюга. Попался! Сейчас я тебя. Дяденька! Отпустите его! Пожалуйста! Это мой кот. Я его кормлю. Это не твой. Он с улицы ходит. У него блохи. Нет у него! Он потерялся. А на него жалуются. Зачем вы его? Пустите! Я родителей позову! Не надо, пожалуйста! Вали отсюда! Развёл тут. Уважения нет. Из милиции уже пришла бумага. Я сам из милиции. Вы здесь живёте, я вас знаю! Я от упрядома. Пошёл! Отцу твоему скажу, что это ты кота убил. Живодёр. Дуй отсюда! Вы всё врёте! Чего расплакался? Запустить бы чем. Бутылка пустая. На тебе, выродок! Убежал. Только пятки засверкали. Так ему и надо, паскуднику. Осколки бы убрать. А туловище куда? Молоко пролил.

Звонок здесь. Это помню. Ишь как заливается. Соловушка. Фюить-фюить. Ей богу, спаяю. Паяльник теперь у Володьки не попросишь. Обойдёмся. Свет клином на этом Володьке не сошёлся. Можно подумать. Я с ним ещё поговорю. Идёт наконец. Я не поздно? Даже рано. Я могу походить пока. В магазин не надо? Проходите, в дверях не стойте. Всё принесли? Всё. Вот, в чемодане. Хороший чемодан. Качественный. Сейчас такого не сыщешь. А хотите подарю? Только он котом провонял, должно быть. Отмыть. Не знаю. Хлоркой разве что? Зачем же такой чемодан? Не нашёл ничего. Торопился. Вы проходите. Раздевайтесь. Пиджак сюда можно. Бельё в корзину. Прямо здесь? Да, так лучше. Не мылись? Неловко. Ничего, не стесняйтесь. Не увидел бы кто. Я дверь прикрыла на замок. Корзина хорошая. В лес ходите? Бывает. За грибами? Когда как. По сезону. А в окно не увидят? У меня занавески плотные. Яркий свет включать не будем. Кто это на портрете? Батюшка мой. Какой статный. Генерал? Нет, артист. Уважаю артистов. За что же? От зависти. Не стоит. У них жизнь тоже – не сахар. А рассказывают. Рассказывают всякое. Послаще нашей. Не скажите. И всё же красиво. В мире много красивого. В лесу красиво. Сюда. У нас на озёрах закат красивый. Тут темно. Сейчас свечку зажгу. Садитесь здесь. На табурет. Вот ножницы. Бритва. Лезвие новое. Спутник. Я бы дома побрился. У меня Жилет. На двадцать третье подарили. Мы договаривались. Всё пра-

вильно. Стригите волосы и брейтесь. Везде. Что? Даже там. Кидайте волосы в таз. Пены нет. Можно водой. Из кувшина. Тёплая. Над тазом. Ноги тоже. Я после помогу. Разберу чемодан. Как тут? Там замочек. Нужно на кнопку надавить. Чтобы вниз ушла. Вижу. И подушка влезла. Вы юморист. Что? Голова на подушке. Случайно? Когда голову отрезали? Третьего дня. С живого? Он мне руки оцарапал. Зря вы зелёной намазали. Чтобы не воспалилось. Лучше с воспалением. Воску с избытком. В церковь не заходили? А соловей где? Не было. Как не было? Дайте бумажку. В пиджаке. Нет, не ходите. Ворона! И что теперь? Режьте волосы. Смелее. Мы что-нибудь придумаем. Бумажку потом сожгите. Пойду воск распаривать.

Здесь получше сбейте. Давайте ножницы. Я сзади пройду. Сейчас клизму поставим. Нет. Вы порезались. Сейчас бумажку прилепим. От газеты оторву. Жжётся. Надо быть чистым. Это уважение. Какая семья без этого? Так. Нагнитесь. Ещё. Пошлó. Стойте так. Сейчас. Вот. Теперь в туалет. Я дверь оставлю. Можете говорить. Воск размяк. Нужно таз принести. Нет, не вставляйте. Сейчас пойдёт. Я сама. Ему нужно вас узнать. А как ещё? Разве так поверишь? Вы человек незнакомый. Он добрый. Делайте, как я говорю. Всё? Посидите ещё. Вдруг что-то осталось. Вы когда ели? Щи? Бефстроганов напрасно. Это тяжёлое. Мать нажарила. Объяснили бы ситуацию. Выходите. Я тело леплю. Голову при-

держите. Красивый кот. Пушистый был? Как звали? Сложно было поймать? Батюшка любил кошек. Собак? Тоже любил. Натаскивал. У нас была овчарка. Звали Пальма. Она ему газету приносила. Отравили. Соседи, кажется. Лаяла громко. Очень жалко было. Ногти сюда. Не срезали? Срезайте скорее. Вот, сюда. В живот. Пусть он вас поест. Вы будете внутри. Всё ваше. Прodelайте здесь отверстие. Пальцем. Мне неудобно. Он же мой отец. Да, правильно. Теперь сердце. Пойдёмте в прихожую. Тихо. Здесь обувь. Держите свечку. Она проснётся. Вы с подселением? Почему? Подумал, что соседка проснётся. Пташка. Тише! Видите коробочку? Пластмассовая. Над косяком. Звонок. Сами делали? Нет, достали. По знакомству. Обыкновенная птица. Соловей. Говорю же вам, не шумите. Она там. Держите свечку. Держите, я нагрею спицу. Докрасна. Как поёт? Вы же звонили. Слышали. Не знаю, как. Может, проволочка её тянет за лапку. Или иголка. Небольшая. Как в проигрывателе. У вас много пластинок? Должно быть, электроток. Это вряд ли. Током больно. Слабый ток приятен. Им детей лечат. Значит, током. И всё же не верится. Горячо. Сейчас, платком обвяжу. Нет. Вязать не умею. От бабки остались. Нагревать зачем? Чтобы ранка запеклась изнутри. Не должно быть крови. А кот уже не свежий. Это можно. Нет, коробку мне не проткнуть. Она из пластмассы. Крепкая. Там дырочки есть. Для звука. Держите свечку. Так! Держите. Теперь надо достать. Спица пока пусть там. Нужно открутить. Вы отвёртку не носите?

Вдруг починить что-то. Ножом. Можно попробовать. Люблю, когда мужчина с ножом ходит. Вы им кота прирезали? Не страшно было? Да, куриц режут. И ничего. Нет, тут всё-таки другое. Получается? Ножницы. Сейчас принесу. Холодец варим иногда. Но то ведь из свиней. Держите свечку. Вот. Так лучше. Отходит. Последний остался. Я держу. Готово. И правда птичка. Какая маленькая. А пела звонко. Никогда бы не подумал. Вот оно как. Идите вперёд. Я за вами. Спицу я на кухне достану. Так, сюда. Это – его сердце. Да, он любит петь. Скорее, баритон. На сцене – редко. У Миронова – помните? – А бабочка бяк-бяк-бяк-бяк. Да, воробушек. Чик-чирик? Не помню уже. Меня это в детстве пугало. А сейчас смешно. Мне он гадок. Странно! Он мать любил. Курил много. Режьте подушку. Перья сюда. Какие старые! Придержите. Пусть прилипнут. Прижмите к фольге. Возьмите спички. Я понесу. Сюда. В комнату. Тут свечи. Надо поджечь. Здесь? Эти. Да. Вы – туда. Красиво. Как в церкви. Я тоже разденусь. Не смотрите. Ноги толстые. Как грудь отвисла. В каких-то жилах. Не смотрите, я же просила. Встаньте на колени. Ближе. Можно на ты? Он спит. Нужно просить его. Как для чего? Ты же сам. Сам пришёл. Написали. Что мужики? Ты попросил. Что теперь? Возьми руку. Склонись. Не смотри так на него. Вдруг он проснётся, а ты так на него смотришь. Это не учтиво. Руку сюда. Ты чист. Поговори с ним. Здравствуй-те. Как это назвать? Сожительство. А что такого? Так все говорят. Зато правда. Он тоже простой человек. Он всё пони-

мает. Он тебя ест. Простирайся. Вот так, по полу. Терпи. Он тебя знает. Не отпускай руку. Смотри ему в глаза. Сильнее дави. Сильнее! Батюшка! Пробудись! Проси его. Проси! Он молчит. Батюшка! Пробудись. Громче. Вместе. Пробудись! Поцелуй его руку. Нет, не отпускай. Ниже. Ещё. И его целуй. Батюшка, пробудись! Поговори с нами. Пусти. Он очень слабый. Снова целуй. Целуй! Засунь палец. Батюшка, благослови! Пробудись! Ещё! Ещё! Прошу тебя. Не останавливайся. Он сейчас. Почему? Он проснётся? Не получается. Надо лучше просить. Надо быть открытым. Он спит. Это не правильно. Он не хочет проснуться. Ты ему не нравишься. Он тебя выплюнул. Он не благословит. Это грязь. Здесь воняет. Нет. Поздно. Ты так питаешься. Не надо дезодорант. Теперь уже нельзя. Ты сам. Я говорила. Забыла. Это хороший соловей. Мы его кормим. Ты сам слышал. Я не виновата. Зачем ты так? Уходи. В корзине. Не включай. Делай, что хочешь. Нет. Не будет. В прямом. Батюшка, прости нас. Я сейчас. Туфли в коридоре. Нет, ничего не надо. Бумажку оставь. Я сама сожгу. Будут стучаться. Нового не достать. Оставь меня. Пиджак. Я закрою. На два замка закрывает. Чемодан забыл. И куда теперь? Мужики облапошили. Хрен им теперь, а не колбаса копчёная. Дождутся. Карандаш пусть сосут химический. Значит Володька наврал, что сам звонок спаял. Гадёныш. Засунул живую пташку в коробку и заставил чирикать. И кота бы засунул. То-то он его прикармливал.

Прекрасное далёко

Александр Шилякин

Иллюстрация Екатерины Яковлевой

Зелёный июнь стоял до окон третьего этажа. На вспоротом диване сидели девушки, смотрели, как зеленеет июнь за окном, дует им в лица, прохладный. Из подъезда через открытую дверь тянет в брошенную квартиру запахом сигарет,

сыро и тихо в подъезде, курят на лестнице юноши постарше.

– А тебе нельзя! – смеётся юноша, поднимает сигарету повыше, чтобы мальчик не дотянулся.

Девушки смеются. Мальчик оглянулся на девочек и пнул красивого, высокого юношу.

– Ах ты зараза!

Красивый юноша махнул ногой в сторону мальчика, рукой с сигаретой взмахнул, мальчик от ноги увернулся и схватил сигарету из руки юноши.

Девушки смеются. Мальчик сунул сигарету в зубы и пошёл по бетонному полу, хрустнуло под ногой битое стекло. Зелёный июнь покачивается за пустой оконной рамой, мальчик с сигаретой сидит на подоконнике.

– Сколько время? – спрашивает мальчик.

– Два часа, – отвечает ему юноша, который на газете колбасу режет коротким ножиком.

– Дай программу посмотреть, – говорит мальчик юноше.

Юноша взял несколько листов из газеты и подал мальчику. Мальчик посмотрел программку и сказал:

– По первому каналу гостя из будущего идёт – включай, Сашка! – девушки смеются.

Саша встал с подоконника, бросил окурочек в банку из-под кофе. Большой телевизор стоял на табуретке перед диваном. Саша присел перед ним и включил, экран горел сначала тускло, потом просветлел, помехи белые с серым пошли. Саша поправлял антенну одной рукой, другой переключал

передачи.

Юноши вошли в квартиру из подъезда и сели на диван, девушек посадили себе на колени. Экран моргнул, чёрно-белые люди на экране стали ходить.

Из трёхлитровой банки по очереди отпивали пиво юноши и девушки, колбасу, порезанную кружочками, брали с газеты, смотрели телевизор.

– Газета прошлогодняя, дурак, – сказал один из юношей, заглянул в программку, потом посмотрел в телевизор.

– Сам дурак, смотри, гостя из будущего идёт, – сказал Саша.

– Интересно, как это, – юноша отложил жирную от колбасы газету, жирной от колбасы рукой девушку обнял.

– Да вот так, – сказал ему Саша.

– Пиво закончилось, – сказал другой юноша.

– Кто пойдёт? – спросили девушки.

– Я схожу, – сказал Саша.

Юноши полезли в карманы, откидываясь на спинку дивана. Бросали монеты на стол, застеленный газетами. Саша собрал жирные от юношеских пальцев монеты и положил в карман, взял пустую стеклянную банку и пошёл к двери.

– Если есть кто сейчас у ларька, спроси купить, – кто-то сказал ему вслед.

– Или Леонида Семёновича попроси, он свой мужик, – сказал ему вслед ещё кто-то.

– Разберусь, – сказал Саша.

В прохладном подъезде шёл Саша вниз по лестнице, заглядывал в пустые квартиры. Лежали там на полу старые календари, страницы из книг, зеркала в трельяже разбитые, а в окнах разбитых зеленеет июнь. Больше не живут здесь, разбиты зеркала, в которые когда-то смотрели на себя женщины.

У подъезда пахнут деревья в цвету, спят под деревьями мужики. В глубине двора, за столом в тени цветущих деревьев сидит Леонид Семёнович с кем-то перед шахматной доской, берёт короля и бьет им по доске.

– Сливай воду, Стёпа! – громко сказал Леонид Семёнович.

Стёпа нахмурился и долго на доску смотрел. Потом плюнул в сторону и встал из-за стола. Закурил и отвернулся, поглядывал на Леонида Семёновича из-за плеча.

– Ты на меня не зыркай! Тебя, дурака, только учить! – смеялся Леонид Семёнович.

Саша подошёл к столу и посмотрел на доску.

– Играть будешь, Сашок?

– Нет, Леонид Семёнович, не буду. Мне бы пива купить.

– Пива! Это хорошо. Сейчас время обед, закрыто всё, погуляй пока, потом ходим, – Леонид Семёнович расставлял фигуры. – Ну что, Стёпа, отыгрываться будешь?

В обед небо синее, где-то из открытого окна музыка играет. Женщина вешает на верёвку простыни, вокруг неё мальчик ездит на трёхколесном велосипеде. В песочнице девоч-

ка учит пьяного дядю Колю делать куличи из песка. У дороги мальчик в пыли машину рисует палкой, а девочка санда- ликом стирает. На автомобильной покрывке, вкопанной в землю у обочины, сидит мальчик и смотрит на дорогу. Рот у него выпачкан фиолетовым, тютину ел.

– Ты чего? – спросил его Саша.

– Жду, когда папа из Москвы приедет, – ответил мальчик, глядя на дорогу в Москву.

– Он давно уехал?

– Да, вчера утром.

– А машина какая?

– Белый МАЗ.

– Ну давай вместе подождем.

И ждали, проезжали мимо машины, кисло пахло от свалки напротив, сидели мальчики на вкопанных в землю покрывках у въезда во двор и ждали, когда приедет из Москвы папа на белом МАЗе.

Встал Саша, не дождавшись, и пошёл по улице, там у низкого забора стояла девочка и смотрела, как плетутся розы по глухой стене старого дома. Саша у неё спросил:

– Хочешь я тебе сорву?

– Они же колючие, поранишься.

– Ничего, не страшно. На, поддержи банку.

Саша перелез через низкий забор обернул руку рубашкой и срывал красные цветки. Девочка, рот приоткрыв, смотрела на него, в опущенных руках банку держала.

– Ты чего там делаешь, чертенёнок?!

Бабка торопилась, показывала в воздухе костылем, спускаясь с крыльца.

– Бабушка, я только три цветка девочке сорву, не кричи!

– Я тебе дам! Как дам сейчас три цветка тебе! Девочка, вон, твоя бежит?

Саша обернулся и увидел, как девочка бежит по улице, банку бросила у забора. Бабушка махнула костылем и крикнула:

– Чего ты встал, догоняй! Зря рвал чтоль?

Саша перепрыгнул через забор и побежал за девочкой. Бабушка вслед ему строго улыбалась.

Из-за угла дома смотрела девочка, как Саша за ней бежит, и смеялась, цветы в руке у него. Саша подбежал к девочке и отдал красные цветы.

– Спасибо, – сказала девочка.

– Зачем банку бросила?

– Испугалась бабку.

– Бояка ты. Как тебя зовут?

– Катя, а тебя?

– Саша.

Саша тронул рукой в кармане жирные монеты.

– Пойдешь со мной в магазин?

– Пойду.

По пыльной дороге Катя и Саша к белому ларьку идут мимо дерева, сидят на дереве мальчики, другие мальчики бегут

к ним через дорогу с автоматами в руках.

– Тра-та-та-та, – кричат мальчики, бегущие по дороге, мальчикам, сидящим на дереве.

– Тра-та-та та-та-та, – кричат мальчики с дерева бегущим к ним по дороге мальчикам.

– Всё, вы умерли! – кричат мальчики с дороги мальчикам, сидящим на дереве.

– Нет, это вы умерли! – кричат с дерева мальчики мальчикам на дороге.

– Вы врёте! Мы вас раньше убили!

– Нет мы вас убили, я в вас гранаты кидал!

Саша держал Катю за руку, чтобы она не боялась выстрелов.

– Пойдите к Леониду Семёновичу, он точно скажет, кто кого убил, – сказал Саша одному из мальчиков, проходя мимо.

У ларька сидели на бордюре два мужика. Вытянув ноги, они оперлись друг о друга плечами, дремали. В ларьке две женщины ругались. Саша с Катей прошли мимо дремавших на бордюре мужиков и заглянули в окошко ларька. Внутри женщина с красным лицом крикнула:

– Чтоб это было в последний раз, ты меня поняла?

Продавщица в бледно голубом фартуке кивнула ей. Женщина с красным лицом вышла из ларька, хлопнув дверью. Молодая продавщица вздохнула и взглянула в окошко.

– Здравсьте. Дайте мороженое, – сказал Саша и повернулся

к Кате. – Тебе какое?

– Шоколадное, – сказала Катя, не поднимая глаз от цветов в своей руке.

– Шоколадное, – сказал Саша продавщице.

Женщина подошла к сидящим на бордюре мужчинам и несильно пнула ногой одного. Он вздрогнул и начал вставать. Сидящий рядом мужик повалился на бок и проснулся. Он лежал на асфальте и сонными глазами смотрел вокруг, на злую женщину, на своего товарища, которого женщина держала под руку, на Сашу, покупавшего Кате мороженое.

Женщина под руку увела шатавшегося мужика, а лежавший у ларька застонал, вставая. Он подошёл к Кате и погладил её по голове. Саша обернулся и дал Кате мороженое, посмотрел в воспаленные глаза мужика.

– Ты Леонида Семёновича видел сегодня?

– Видел в обед, во дворе играл в шахматы.

– Я ему вчера проигрался в карты.

– Ну и что? Иди отыгрывайся.

– Я карты свои где-то потерял. Есть пять рублей? Я верну.

– Не надо, я куплю карты, только пойдём вместе, я играть буду.

– Это как так?

– Ты ж пьяный, как ты играть будешь?

Саша повернулся к окошку и сказал:

– Дайте ещё карты.

Саша вытащил жирную монету и положил в окошко.

Катя облизывала шоколадное мороженное и смотрела, как Саша с дядей разговаривает.

– Кать, погуляй пока, я сейчас поиграю в карты и приду, – сказал Саша.

Катя быстро закивала ему в ответ. Когда Саша с дядей уходил, она посмотрела им вслед и заплакала.

В глубине двора, за столом в тени цветущих деревьев сидит Леонид Семёнович. Перед ним мальчики толкаются и кричат. Леонид Семёнович слушает их, смотрит в лица мальчиков, улыбается. Саша издали услышал, как Леонид Семёнович ударил ладонью по столу, встал перед мальчиками высокий Леонид Семёнович и громко сказал:

– Бойцы, прекратить базар!

Мальчики замерли и умолкли, испуганно подняли глаза.

Леонид Семёнович громко говорил:

– Командиры, постройте свои отряды как положено.

Мальчики без суеты встали в две шеренги друг напротив друга и ждали.

– Смирно!

Один мальчик смотрел на Леонида Семёновича и ковырял в носу.

– По команде «смирно» спины надо выпрямить, животы втянуть, пальцы из носа вытащить, голову вверх поднять. Ещё раз, смирно!

Мальчики вытянулись, подняли головы к зелёным веткам.

– Вольно! Командиры, ко мне!

Двое мальчиков постарше вышли из строя к Леониду Семёновичу.

– Докладывайте. По очереди, без воплей.

– Наш отряд бежал через дорогу и стрелял, их отряд на дереве сидел.

– Наш отряд был на дереве и стрелял в них, а я кидал гранатами. Леонид Семёнович смотрел на мальчиков и думал, потом увидел Сашу и мужика, плетущегося следом, сел за стол и сказал:

– Командиры вы, конечно, смелые, но солдат своих беречь нужно. Из того, что вы тут доложили, я понимаю так, что тут никто не победил. В следующий раз ищите где спрятаться сначала, а потом стреляйте, прикрывайте друг друга. И в следующий раз доклад как сегодня, по военному, поняли?

– Хорошо, – сказал кто-то из мальчиков.

– Не хорошо, а так точно!

– Так точно! – хором крикнули мальчики.

– Молодцы! Командуйте, командиры.

Леонид Семёнович улыбался и смотрел, как мальчики разбегаются по двору, мелькают их выгоревшие майки в кустах. За стол сели Саша и мужик. Леонид Семёнович повернулся к ним, улыбался.

– Ну что, Коля, отыгрываться?

Коля смотрел хмуро-пьяно. Саша достал новую колоду карт из кармана и положил на стол.

– Я за него буду играть.

– Сашок, Сашок. Ну хорошо, – Леонид Семёнович взял колоду, вытряхнул карты из пачки, помешал в руках и разбросал себе и Саше.

– Ты пива-то купил?

– Нет.

– Значит, есть на что играть?

– Есть.

Саша вытащил из кармана горстку монет.

– Смотри, какой будет уговор. Играть будем до последних денег. Кто все деньги проиграет, тот...

– Кто выиграет, тот загадывает желание, – сказал Саша.

– Это мне нравится, да. Желание! – Леонид Семёнович хлопнул руками и засмеялся.

Саша взял карты со стола, развернул их в руке, три короля, дама, девятка, семёрка. Саша посмотрел на Леонида Семёновича.

– Только чур не мухлевать.

– Я никогда не мухлюю. Да, Коля?

– Не мухлюет, – мотнул головой Коля.

Саша забрал три первых кона. Леонид Семёнович хмурился, быстро поглядывал поверх карт во внимательные Сашины глаза.

– Сколько у Коли долгу? – Спросил Саша.

– Ты играй, я скажу как отыграешь, – ответил Леонид Семёнович. – Коля, ты что, спишь что ли?

Коля лежал на столе, упёршись лбом в руки. Саша нахло-

нился и заглянул ему в лицо.

– Спит, – сказал Саша.

– Устал, – улыбнулся Леонид Семёнович.

Играли, была уже ночь. Саша взял шесть конов. Леонид Семёнович мешал карты в руках и внимательно смотрел, как в темноте блестят у Саши глаза.

– Отыграл, даже с лихвой, – сказал Леонид Семёнович, достал из кармана перевязанные шнурком деньги.

– Коля! Коль! Просыпайся.

Коля поднял голову и посмотрел кругом, ночь.

– Чего?

– Деньги раздают.

Леонид Семёнович подал ему сложенные бумажки. Коля взял, развернул, в темноте сощурился над деньгами.

– Да, да, можешь не смотреть так, Сашок всё за тебя отыграл.

– Я это, ну, – Коля вылез из-за стола, наощупь искал, куда деньги положить, – пойду, ночь уже.

– Да, ты иди, – сказал Леонид Семёнович и посмотрел на Сашу. – Ну что, Сашок, будешь ещё играть?

– Буду.

Играли, светало. Леонид Семёнович смеялся, хлопал в ладоши.

– Ну что, Сашок, на желание теперь?

– Играем, – сказал Саша, насупившись.

Сыграли, Леонид Семёнович в руках перебирал колоду и

смотрел на Сашу. Саша сопел, нос заложило, ломило переносицу.

– Правильно, плакать последнее дело, – сказал Леонид Семёнович.

– Загадывай желание, – сказал Саша подломленным голосом.

– Успею. Пойдем лучше прогуляемся.

Леонид Семёнович сложил карты в коробку, посмотрел на червовую даму, как она держит красный цветок, и надменные у неё губы и глаза.

Шёл высокий Леонид Семёнович и Саша рядом, понурился го-

– Сашок, ты чего носом пашешь? – Леонид Семёнович положил руку на плечо Саше.

– Ничего, – пробурчал Саша.

– Раз ничего, подними голову, не на расстрел идешь!

Саша поднял глаза и сердито посмотрел. Они шли местами, каких он не видел никогда.

– Ты знаешь, где мы идём?

– Нет, я здесь не был.

– А я здесь с молодых лет гуляю. Когда-то я по этим местам проехал с сестрой друга. Никак теперь не хочу уезжать, хорошо здесь, до моря недалеко.

– До какого моря, нету тут моря.

– Ты не видел моря, а оно здесь было и сейчас ещё есть. Показать?

– Покажи.

– Пойдем, тут недалеко.

– А что с твоим другом стало, он не поехал с сестрой и с тобой?

– Нет, не поехал. Он пропал куда-то, убили его, наверное.

– Почему его убили?

– Он был бандит. Он сам всех убивал, вот и они его убили.

– А ты тоже был бандит?

– Я тоже был.

– И убивал?

– Убивал, мы все убивали.

– Я никого не убивал.

– Лягушек не убивал? Пауков, жуков?

– Убивал, но это не считается, они ведь не понимают, что живут.

– Это хорошо, что не понимают.

Над пыльными дорогами солнце, у дороги домик, дверь заколочена, на двери белой краской написано: «Украдёшь себе на могильную оградку». Вдали видны три высоких дворца, через все холмы по дорогам до самого конца к ним идти.

– Что это за дома вдалеке?

– Это дворцы древние, их ещё не достроили.

– Их же разрушили уже очень давно.

– Их и достроить не успели, а уже разрушили.

– Это же в войну ещё?

– Да, в войну.

– Ты в той войне воевал?

– Нет, я только приехал, когда закончилась война. Теперь уже забыли войну, только пацаны во дворе ещё помнят, играют, стреляют друг друга.

Саша ничего ему не ответил. Он обернулся, но города не было видно, посмотрел вдаль, ничего нет вдали, только воздух.

– Из чего сделано небо, Леонид Семёнович?

– Небо сделано из воздуха.

– Если мы с тобой будем быстро дышать, то сможем всё небо сдышать?

– Ты и без меня справишься, всё небо сдышать – это не сказать что трудно, это как море переплыть.

– А где море?

– Мимо тех дворцов пройдем, потом на гору поднимемся, и там море будет.

– Мы ведь долго уже идём?

– Не знаю, у тебя часы есть?

– У меня нет.

– У меня тоже. Я часам не верю, не так, как надо, время считают.

– А как узнать, как правильно считать?

– Этому долго учиться, это трудно. Нетрудно всё небо сдышать, а понять, как время считается, сложно.

Мимо дворцов шли Саша и Леонид Семёнович, белые

глыбы отвалились одна от другой, колонны из белого камня стояли высоко, крошились камни от солнца и от ветра, от зим и ночей. Деревья росли на верхах колонн, сквозь белые глыбы свисали корни.

– Как деревья на домах растут?

– А дети как в домах растут? Так же и деревья.

У дороги, в высокой траве лежал и смеялся человек, не видно было, где он лежит, но слышно, смеётся. Леонид Семёнович тоже засмеялся и пошёл в высокой траве к человеку, наклонился над ним и долго смотрел, смеялся. Саша стоял и слышал, как тихо на дорогах и только смеются мужчины.

– Он уснул и смеётся, – сказал Леонид Семёнович, вышел из высокой травы и обирал штаны от прицепившегося репея.

– Почему он здесь спит и смеётся?

– Тепло, хорошо здесь, – Леонид Семёнович упёрся ладонями в спину и вытянулся, – но здесь спать нельзя, уснешь вот, как он, и так хорошо будет, что уже и не проснешься.

Поднимались Леонид Семёнович и Саша на высокий холм, и ветер поднимался. На холме старые каменоломни, порода пустая. Влез по камням Саша, смотрел, как вода разлилась от берегов до берегов, как птицы над водой летят, какой свет над водой. Леонид Семёнович идёт по заросшей тропе к высокому каменному мосту через воду. Обернулся к Саше и зовёт, машет рукой.

Саша спустился с камней и пошёл следом, Леонид Семё-

нович далеко на мосту стоит, наклонился к парапету, смотрит в воду с моста высокого.

– Это мост через всё море?

– Не знаю, я до того берега не ходил.

– А давай дойдем, Леонид Семёнович?

– Пойдём, мне самому интересно.

Долго по мосту шли Саша и Леонид Семёнович, ветер им воротники поднимал, внизу далеко волны били в каменные сваи. От солнца и воды без края глаза утомились, Леонид Семёнович прищурился и приложил руку к глазам.

– Дошли, там уже конец.

– Пойдем, пойдем, – Саша толкнул Леонида Семёновича.

– Пойдем, – засмеялся Леонид Семёнович.

У самого края моста остановились, а впереди всё море, и не видно берега, от которого они сюда пришли, не видно и другого берега, куда мост не довёл.

– Тоже в войну разрушили, наверное, – сказал Саша, глядя на последнюю каменную глыбу, обтёсанную бурями.

– Этот мост строили тогда же, когда и те дворцы, что мы прошли, очень-очень давно. Война началась, и с тех пор не достроили.

Саша сел на самом краю последнего камня и свесил ноги над морем. Леонид Семёнович стоял за ним.

– Не страшно, Сашок?

– Неа.

– Тогда желание.

– Загадывай.

– Прыгни с моста.

Саша поднял глаза на Леонида Семёновича, смотрел без страха. Леонид Семёнович улыбался.

– Так нечестно, – тихо сказал Саша.

– Очень честно, карточные долги нужно выполнять.

– Но я же умру, – сказал Саша, руками держал холодный каменный мост.

– Ты же любопытный. Не интересно тебе разве узнать, как это, умереть?

Саша смотрел, как волны разбиваются об мост.

– Там Катя у ларька сидит, я ей обещал, что приду за ней.

– Ну и чего ты тогда расселся? Пойдем Катю забирать! – крикнул морю Леонид Семёнович и засмеялся.

Саша встал, и пошли они с Леонидом Семёновичем.

У ларька собака зарычала на них.

– Дурак ты, – сказал псу Леонид Семёнович и погладил по голове.

Саша обернулся на него, подходя к окошку ларька.

– М, м, – Леонид Семёнович искал в кармане. – На. – Леонид Семёнович подал Саше колоду карт. Саша посмотрел на червовую даму, как она держит красный цветок, и надменные у неё губы и глаза.

– Здравсьте, – сказала продавщица.

– Здравствуй, Катя, – сказал Саша.

– Здравствуй, здравствуй.

– Я Саша.

– Я рада, что ты Саша.

– Ты меня не помнишь?

– Вроде бы нет, я вас всех помню, а тебя вот что-то никак.

– Помнишь, я тебе цветы у бабы Веры в палисаднике рвал,

она вышла с костылем и ты испугалась? А потом мы в этот ларёк пошли, потом я ушёл в карты играть, а ты меня ждала?

Продавщица долго посмотрела на Сашу.

– Помню, Сашенька. Где же ты был? Говорили, в тюрьме.

– Нет, я...

Леонид Семёнович показал Саше рукой, и прикрыл глаза, упёршись спиной о ларёк. Продавщица посмотрела на кнопки кассы, на булочки в целлофановых пакетах, на половинку конфеты, лежащую на блестящей обертке рядом с пустой потемневшей от чая кружкой.

– Пойдём, – сказала продавщица, снимая фартук.

Она вышла из ларька и посмотрела на Леонида Семёновича, опёршегося спиной на металлическую стену. Катя потрогала его за руку, спросила:

– Деда, ты что, тебе плохо?

Леонид Семёнович приоткрыл глаза, махнул рукой и снова закрыл глаза. Когда Катя отвернулась, Леонид Семёнович подмигнул Саше и улыбнулся. Саша кивнул ему в ответ и пошёл с Катей вверх по улице.

– Пойдем, я тебе сына покажу, – сказала Катя.

У входа в школу, на треснувших ступеньках стоял охран-

ник в чёрной куртке.

– Здравсьте, – сказал охранник.

– Здравсьте, – сказала Катя, и Саша «Здравсьте» сказал.

По коридору налево, дверь на кухню открыта, из столовой обедом пахнет, учительская справа и медпункт, пахнет хлоркой, в конце коридора, под лестницей дверь, слышно, как там баян играет.

– Пение у них, – шепнула Катя, быстро заглянула в приоткрытую дверь, повернулась к Саше, – мой за первой партой в центре, поёт, – улыбнулась.

Саша заглянул в дверь. Перед доской сидит учитель с баяном.

– А сейчас мы с вами споём песню, которую мы учили в прошлой четверти, все её помнят?

– Да! Которая была в гостье из будущего!

– Да, она самая. И-и-и раз!

– Слышу голос из прекрасного далёка...

– Хорошо!

– ...Голос утренний в серебряной росе...

– Чуть медленнее!

– ...Слышу голос, и манящая дорога...

– Погромче, девочки!

– ...Кружит голову, как в детстве карусель!..

– Давайте ещё раз, сначала. И-и-и раз!

Ущерб

Георгий Панкратов

Иллюстрация Дмитрия Козлова

Вадим жил с Вероникой уже седьмой год. Не расписался – и так нормально. В последние месяцы сидел без дела – был отделочником, но не котировался слишком высоко. Работу не предлагали. Так, подхалтуривал иногда: в его тридцать восемь поздно было искать что-то новое, рыпаться. В

общем, жил в ожидании лучших времён.

Иногда что-то делал по дому, встречал, провожал жену. Та крутилась в офисе. О работе жены он не знал ничего, и ему было неинтересно. Отношения с Вероникой были нормальными – не в том смысле, что без проблем, а в том, что без искорки: ну, не искрилось между ними после стольких лет. Но и Вадим, и Вероника поступили так, как поступают все: забили на это. Что же, расходиться теперь, если нет искорки?

Развлекаться Вадим не умел, а у жены не было времени. Иногда гуляли в ближайшем парке. Вадим стоял на балконе и курил, осматривая двор, Вероника осторожно открывала дверь и предлагала: «Пойдём?». «Ну, пошли, чё», – отвечал Вадим, и они выходили на улицу. Приближался Новый год. Хоть и через месяц только, а думать уже надо: как отметить, где деньги брать, сколько... Да и просто можно было фантазировать, представляя, как на несколько долгих и сонных дней всё вокруг станет хорошо. Сказочно.

– А, вспомнила, – сказала Вероника по дороге. – Надо в офис смотаться за документами. Завтра ж к этой... – она выругалась, – через весь город переться. Вставать рано. А я их забыла, вот дура!

– Да езжай ты с утра, – вяло возразил Вадим.

– Ну Вадим, ну чё ты... Это мне в пять утра вставать надо. Как маленький. На автобусе доедем – полчаса и свободны.

– Ладно, поехали, – безучастно сказал Вадим, и они от-

правились на остановку. Вадим закурил.

– Вот подарю тебе на Новый год никотиновый пластырь, – шутила Вероника.

– Не-не-не! – бурно возразил Вадим и пояснил, где он видел такие подарки.

– А вообще, давай ничего не дарить друг другу, – предложила Вероника. – Сэкономим. Съездим к маме, погостим...

– Ой, на фиг надо, – скривился Вадим, – к маме твоей... Давай у нас лучше. Фейерверки позапускаем.

– Ага, – Вероника поднесла руки к лицу и шумно выдохнула в них, а потом улыбнулась, взглянула на Вадима добрым взглядом. – Скорей бы.

– Скорей бы автобус, – буркнул Вадим. – Хабец выкину.

Подходя к урне, Вадим краем глаза заметил, как грузовик на противоположной стороне улицы стал разворачиваться – остановка находилась на перекрёстке их двухполосной улицы не с переулком даже, а с узенькой асфальтовой дорожкой, по которой завозили продукцию в универсам.

«Ну и как он тут проедет, дятел?» – подумал Вадим, и вдруг эту мысль перебила другая, шальная и страшная. Его обдало холодом, словно кто-то швырнул в лицо снега, и он обернулся. Пытаясь уйти от удара, прямо в остановку неслась чёрная иномарка. И в этот же миг всё вокруг стихло, только кружились в жёлтом свете фонаря снежинки.

Вадим повёл себя странно: он не бросился к остановке сразу же, не закричал – он закрыл глаза, чтобы ничего не ви-

деть, и долго стоял так. Когда наконец двинулся к месту, вокруг уже толпились люди, кто-то суетился и причитал, кто-то щупал пульс. Жена лежала как живая, только мёртвая. Немного крови на висках – и всё. И в руке сумка.

Неподалеку остановилась разбитая иномарка. За рулём сидел крупный человек в тонких очках, бритый наголо, в сером пальто. Он смотрел прямо перед собой и не шевелился.

– Я убью тебя, сука! – заорал Вадим. Стучал по стеклу кулаками, затем водитель опустил стекло. – Что ж ты сделал-то?!

Потом были похороны. Точнее, была кремация, но русский человек не скажет «был на кремации», он всё равно скажет «на похоронах». Народу было немного – девчонки с работы да её родители. Они Вадима не любили. Жил он с женой, правда, в своей квартире, так что съезжать никуда не пришлось. Но кроме квартирки, доставшейся от родных, у него ничего не осталось.

Началось разбирательство. Вадим ходил в суд неохотно – для дачи показаний, пару раз. Уже в первый день мужчина из иномарки высказал желание поговорить. Они зашли в пустой зал и долго сидели, молчали. А потом водитель резко, безо всяких предисловий, предложил ему взять миллион.

– Ты что же, сука, откупиться хочешь?! – взревел Вадим.

– Видишь, – спокойно сказал водитель, – я не то чтобы очень богат, но... Я не зверь, так вышло случайно. Но перед Богом я всё равно виноват... Я просто хочу помочь. Это не

то чтобы моральный ущерб... Да, никакими деньгами... Но это единственное, что я могу сделать.

– Пошёл ты! – крикнул Вадим, направляясь к выходу. – Засунь себе в жопу, понял?

– Придёшь в следующий раз, сообщи реквизиты, – устало сказал водитель.

«Ущерб! – думал Вадим дома. – Ишь ты!». Ему не нравилось это слово: так его дразнили школе. Кликуха такая была, у всех разные. У него вот Ущерб. Вспоминать было неприятно.

Когда снова пришёл в суд – дал номер счёта, и в тот же день ему перевели миллион.

Потом он весь вечер пялился в ящик. Думал мучительно: «Как потратить деньги, чтобы с умом, или вложить во что-то. Но во что?». И ещё подумал с горечью: «Как она была бы рада! Перед самым Новым годом – миллион!».

Сразу постановил для себя: не бухать. Ни в коем случае. Но в первый же вечер навалилась такая тяжесть, что оставаться трезвым было невыносимо. Он отправился в бар и пропил двенадцать тысяч.

«Ничего, – думал, – скоро выйду на работу. Отработаю, доложу обратно. Буду считать, что свои пропил. Считай, взял в долг. У мёртвой жены...» От тоскливых мыслей хотелось выпиться сильнее, чтобы забыть их.

Но наутро навалилось такое похмелье, что Вадим понял: он может банально сдохнуть. Башка разорвётся на части.

Так он провёл две недели. Иногда звал приятелей. Иногда ночевал дома, подолгу перед сном глядел на её фото, что стояло на подоконнике возле тощего цветка. Было тошно.

Потом была Лига чемпионов. Однажды, смотря под пивко матч, Вадим увидел в кадре красивых болельщиц. Вдруг почувствовал сильное желание – и просто никак не смог справиться. Покопался на сайтах и вызвонил двух женщин. Вадиму нужны были две. Полночи занимался непотребствами, пока хватало сил. Бросив распалённый страстью взгляд на подоконник, увидел её фото. Подошёл, отвернул.

Назавтра Вадим осознал, что пить больше нельзя. Весь день проклинал судьбу, вечером подсчитал деньги: семьсот тысяч, не так плохо.

Новый год был совсем скоро. Было ужасно встречать его без Вероники, но он решил сделать подарок себе – больше всё равно некому. А заодно и ей: может, увидит с небес, порадуется. Купил новый диван, плазму, мощный компьютер, остеклил балкон – купил материалы, вызвал рабочих. Подключил, наконец, кабельное телевидение – Вероника давно хотела. Ещё четыреста тысяч осталось.

После праздников приезжали её родители, поразились переменам. Хотели забрать вещи дочери: что-то из одежды, белья, мелочёвку, но Вадим пожал плечами. «А я всё выкинул», – сказал он простодушно. Чтоб отстали, пошёл в комнату, отсчитал сто... Потом передумал – пятьдесят тысяч. Триста пятьдесят положил в ящик, рядом с паспортом

и ИНН.

А потом Вадим обнаружил, что совсем нет одежды, обуви – и отправился в магазин. По дороге обратно купил огромную тележку хороших продуктов. Еле дотащил. Пока тащил, подумал, что неплохо бы автомобиль. Да только вот какой? На двести семьдесят тысяч особо не повыбираешь.

Сговорился с мужиком на сайте «Авито». Мужик оказался нормальный, работяга, поняли друг друга быстро.

– Нормальная? – спросил Вадим, кивая на машину.

– Нормальная, – кивнул мужик.

Ударили по рукам. Осталось ещё двадцать тысяч и несколько сотен. Доехав до дома, Вадим отправился в ночной ларёк и взял пивка. Не торопясь, зашёл в подъезд, выругался, как всегда, там было темно. Вспомнил, как Вероника просила вставить лампочку. «Да че её ставить! Сразу же упрут».

В темноте сверкнули огоньки сигарет – и пара быстрых ударов свалила его на пол. Вадим не успел ничего понять. Последнее, что слышал, – гнусавый голос:

– Двадцак и мелочь.

– Нормально! – ответил второй, такой же.

Очнувшись, побрёл домой, умылся, упал на диван, ото-спался.

Начиналась весна. Деньги кончились, даже те, что удалось выручить с продажи плазмы и компа. Спустился к почтовым ящикам, достал газету, нашёл номер. Позвонил.

– Ребят, отделочники нужны? Нормальный, много не пью.

На следующий день пришёл на объект – квартиру с множеством окон, просторной кухней, несколькими комнатами и двумя – Вадим присвистнул – туалетами. Прораб обрисовал задачу, познакомил с другими работягами. «Мужики вроде нормальные», – решил Вадим. Оставалось дожидаться босса.

Когда в квартиру вошёл человек в сером пальто, бритый наголо, в тонких очках, Вадим уже не чувствовал ничего. Он не вскочил с места, не бросился с криком: «Ты, сука!». Нужны были деньги, нужно было работать, жить.

Они только обменялись взглядами – короткими, выразительными.

– Смотри сам, – выдохнул мужчина.

– Ничего, – шмыгнул Вадим. – Нормально.

– Ну ладно, – сказал мужчина. – Работай.

Прораб на будущей кухне уже дожидался его: нужно было решить по деньгам.

Рассказ из сборника «Российское время», Читиво, 2019

Спокойной ночи Артём Северский

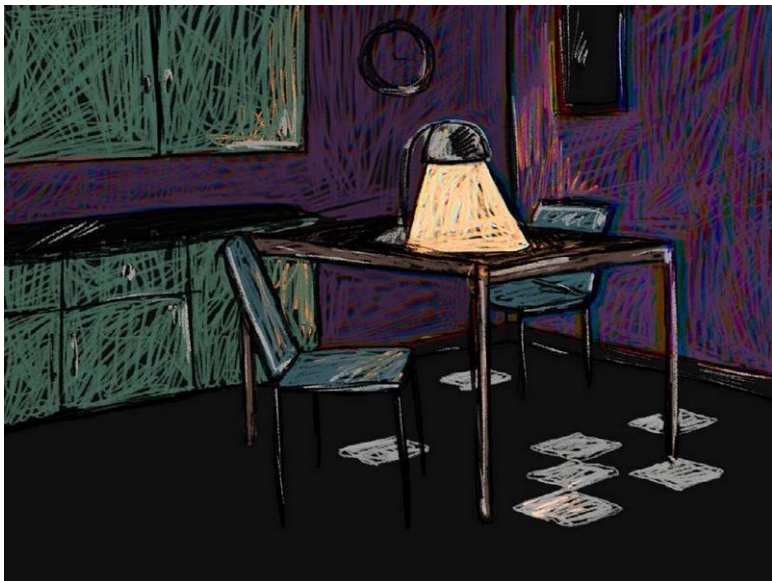

Иллюстрация Натальи Коваленко

В почтовом ящике Лена нашла письмо, адресованное женщине по имени Нина.

«Я такую не знаю, хотя живу здесь пять лет», – подумала. Вернувшись из магазина, Лена положила пакет с продук-

тами на стул и вынула письмо из кармана. Приди оно по ошибке, адрес был бы другим – но указан верно.

Осмотрев конверт со всех сторон, Лена подняла его, чтобы солнечные лучи помогли ей узнать, что внутри.

Обыкновенный листок бумаги.

– Мам, ты не знаешь какую-нибудь Нину? – спросила Лена, входя в большую комнату.

Мама сидела за столом с очками на носу и читала газету. Телевизор работал почти без звука.

– Не знаю. В нашем подъезде таких нет, – она взяла конверт и придирчиво осмотрела. – Адрес наш. Но отправитель... П. Что это значит?

– Вот именно, – сказала Лена, кусая губы. Непременно хотелось узнать, кто эта женщина и таинственный П.

Возвращая конверт, мама сказала:

– Почерк мужской, – Лена кивнула, – могу поспрашивать.

– Нет. Не нужно.

Вернулась на кухню. Раскладывая продукты в холодильнике, думала о письме. Конверт, лежащий в кармане, становился как будто тяжелее с каждой минутой.

– А прошлые хозяева, у которых мы квартиру купили? – спросила Лена громко, чтобы мама услышала.

– Нет никакой Нины.

– Понятно.

Письмо тревожило, но в то же время обладание им доставляло Лене удовольствие. Точно маленькая девочка, за-

рывшая секретик в лесу, она предвкушала нечто такое, что и сама не могла описать.

Закрыв дверь спальни, Лена села на кровать и вытянула ноги. Письмо пристроила на коленях.

Думала: «Наверное, там что-то необычное. Этот П., должно быть, зовёт куда-то неизвестную Нину, обещает иную жизнь, любит».

Лена помассировала левый висок. Пока нерешительно, но невидимка уже начал забивать туда гвоздь.

Были два человека, их связывала общая история, состоящая из множества мелких событий, которые тесно сплетались меж собой. Но где-то в этом сплетении случился разрыв. Лене грустно было думать, что Нина и П. расстались.

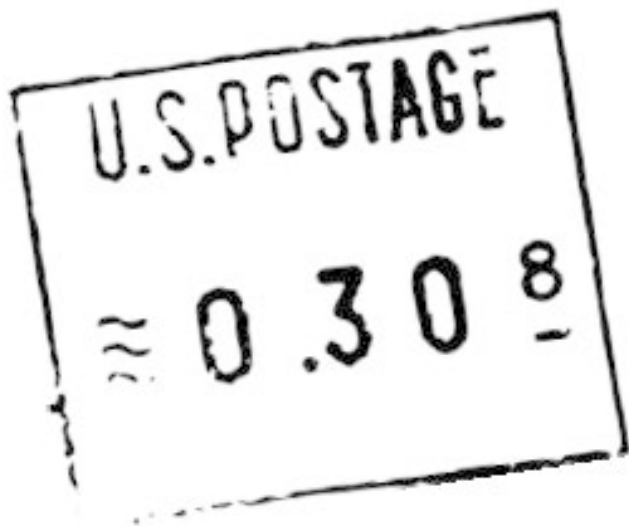
Поглаживая конверт, она поняла, что сопереживает им, словно героям любимого фильма. Её фантазия выстраивала замысловатые сюжетные ходы и конструировала финал. Лена старалась делать его счастливым.

Вечером о письме не говорили. Мама точно забыла о нём. Поужинали, Лена мыла посуду. Поставив тарелки в сушилку, она приняла окончательное решение вскрыть конверт.

Нины здесь нет, а если она когда-нибудь появится, чтобы потребовать письмо, Лена, конечно, отдаст и принесёт извинения. Только этого никогда не случится. Жизнь не кино.

Расстелив постель, Лена сунула ноги под одеяло. Письмо было у неё в руках, бумага жгла пальцы.

Наконец, разорвала конверт и вынула сложенный вдвое лист.

«Любимая моя Нина.

Надежды, что ты прочтешь письмо, нет. Ты выбросишь его сразу, как только увидишь. Но что делать? – ты не отвечаешь на звонки и смс. Если бы мог, то приехал, тогда бы мы поговорили. Но я не могу. Может быть, ты вообще мертва и поэтому не можешь ответить. Мне известно: твоя мама умерла год назад от

инфаркта. Жаль. Ответь – как ты?!

Это моё пятое письмо, буду писать, пока... впрочем, загадывать бессмысленно.

Прости меня за всё, что я сделал тебе, за всю причиненную боль. Мне стыдно за свое поведение и за трусость. Мне казалось, если уйду, нам обоим станет легче, хотя не сразу, но станет. Нина, прости! Прости! Я приеду, как смогу. Надеюсь, ты всё ещё там. Надеюсь.

Твой Павел».

Аккуратно положила письмо обратно в конверт и бросила его на пол.

Сильно заболела голова, висок ломило, на краю зрения прыгали оранжевые точки.

Выключив свет, легла под одеяло, пережидая в темноте, когда закончится приступ. Так погрузилась в дрему. Боль утихла минут через сорок.

Зажгла свет, посидела, глядя на лежащее на полу письмо.
«Нина жила здесь, теперь её нет».

Захотелось пить. Встала и пошла босиком из комнаты. Квартира была тихой, время от времени вздрагивал на кухне холодильник. Открыв его, налила полстакана молока, выпила, стоя возле окна. В полночь стало темно, жёлтые комья света таращились со столбов.

Поставив на стол стакан, отправилась обратным путем, но замерла на пороге большой комнаты.

«Пахнет пустотой, – подумала, – здесь давно нет человеческого тепла».

Квартира напоминала пустую коробку из-под обуви.

Дверь маминой комнаты приоткрыта на ширину ладони. Подошла к ней, толкнула, держась за ручку, и включила свет.

Заправленная кровать, задернутые шторы, пыль на предметах. Мамы не стало год назад. Павел как-то узнал. Кто сказал ему?

Неважно. Выяснить что-либо или отвечать на его письма она всё равно не будет.

Лена ушла в свою комнату, укрылась одеялом и выключила свет.

Спокойной ночи.

Чисто османское убийство

Наиль Абдуллазаде

Иллюстрации Лены Солнцевой

Когда за трабзонским пашой Нусрет-беем послали из Стамбула шёлковый шнурок, он уже обо всём догадался, и по его спине от страха побежал ручейком холодный пот Паша, который прошёл войны и на Востоке, и на Западе, не боялся умереть, он боялся быть задушенным, как собака. Нусрет-бей, не задерживаясь ни секунды, собрал самое необходимое и, не дожидаясь вечернего намаза, сбежал в сторону границы с Ираном. Перед тем, как навсегда покинуть Трабзон, свой дом и берег Чёрного моря, он сбрил усы, переделся в одежду своего слуги, но не отказался от своего коня, который ещё до вечернего намаза следующего дня уже привез пашу к границе двух царств. Пока он скакал на Восток, с него ветром сдувало его прошлую жизнь. Его лицо за ночь изменилось так, что в нём не осталось ни намека на суровость грозного паши. Его руки к утру ослабели настолько, что разучились держать саблю и ятаган, он научился сутулиться, а лицо бывшего паши научилось заискивающе улыбаться. Он снял с себя гордость и бесстрашие, как одежду, и напялил на себя лохмотья лицемерия и унижения. Как только Нусрет-бей спешился, его верный конь упал и испустил дух. Так бывший паша лишился последнего, что у него осталось от самого себя настоящего.

Нусрет-паша был не молод и не стар, а в том возрасте, когда время перестает течь быстро и начинает наполняться мыслями и снами. С усами он был похож на льва, а без усов

– на шакала. Нусрет-бей не знал, за что его приказали убить. Он верно, как пёс, служил султану и Великой Османской династии. «Моё богатство и моя слава не уберегли меня ни от зависти, ни от клеветы», – думал беглец и печально вздыхал. Чтобы не быть узнанным, он стал сутулиться, научился заикаться. За бакшиш в десять акче ему помогли пересечь границу и показали дорогу в Тебриз. Денег у него оставалось только на то, чтобы сесть на осла и несколько раз переночевать в караван-сараяе.

«Сесть на осла – позор, слезть с осла – двойной позор», – подумал Нусрет-бей и пошёл в Тебриз пешком, ведя рядом с собой ослика с грустной мордочкой. До того, как паша пересёк границу, рядом с ним в воздухе летели запахи тимьяна, красного перца и кориандра. А после того, как он оказался в Иране, за ним по пятам следовали запахи барбариса, корицы и куркумы. Нусрет-паша шёл так же быстро, как когда-то его теперь уже мертвый конь, о котором он и не вспоминал. По дороге он придумывал себе новые имена, похожие на персидские. В этой части Ирана говорили на туркоманском языке, поэтому если его и не принимали за своего, то и чужим не считали. Наконец, дойдя до Тебриза, он подобрал на улице новое имя, Хасан. Денег у Хасана осталось только на то, чтобы несколько раз пообедать.

В то время пока бывший паша бежал на Восток, в самом

Трабзоне его искали по всему городу и окрестностям, а не найдя, отправили в Стамбул во дворец Топкапы депешу о его побеге. Через четыре дня пришёл ответ, и шёлковый шнурок не остался без применения. Тот, кто упустил попавшего в опалу пашу, тот на себя его и примерил. Однако из дворца Топкапы настоятельно требовали достать Нусрет-пашу даже из-под земли. Тогда некто с жиденькой бородкой и большими красными глазами посоветовал главному визирю обратиться за помощью к Коста-бею, греку, о котором было известно, что он колдун и общается с самим шайтаном. Когда к нему обратились, Коста-бей прищурил левый глаз, цокнул языком и согласился. За плату в двадцать золотых динаров он взялся за это дело, попросил только не беспокоить его, пока он сам не даст знать, что паша убит. Коста-бей заперся на втором этаже своего дома в Фанаре, разложил карты, опять поцокал языком и написал письмо, где подробно описал кого, когда и где нужно найти и убить. Он вложил в это письмо часть денег, полученных авансом, и тот самый шёлковый шнурок, которым собирались убить пашу, и отправил в Тебриз. Письмо было без адреса, вернее на нём были всего одна османская и одна персидская печать. Шайтан, которому Коста-бей его отправил, сам нашёл это письмо на перекрёстке перед въездом в город в безлунную ночь. Монеты, спрятанные в письме, он пересчитал, остался доволен, часть отсыпал себе в карман, а остальную часть проглотил, шнурок же завязал на своем левом запястье. От того шайтана пахло

гвоздикой, лимонной цедрой и розовой водой, как от рожавшей женщины.

Пока Нусрет-пашу искали, он, уже окончательно ставший Хасаном, научился бегло говорить на фарси, нагло обманывать и жалобно скулить. Он устроился поваром в том самом караван-сараяе, где потратил последние деньги. Теперь рядом с ним всегда стояли запахи вареного риса, варёной баранины и варёных бобов. Когда он готовил горме сабзи или аше рещт, то закатывал глаза, и на его лице играла наивная улыбка. Он мягко резал мясо, солил его и перчил, так, что ни один кристаллик соли не просыпался на пол. Он умело и очень мелко нарезал зелень кинзы и баклажаны, так чисто мыл рис, что каждое зёрнышко сверкало в его руках. «Раньше я мог одним ударом своего меча разрубить врага пополам, а сейчас мои руки так искусно готовят еду, как будто я всю жизнь это делал», – думал бывший паша и распространял вокруг себя запахи базилика, мяты и петрушки. Однако, так как без усов бывший паша был похож на шакала, когда он улыбался, его лицо было столь безобразным, что люди в ужасе отворачивались от него, чтобы не видеть эту улыбку.

Однажды во сне он увидел, что на нём скачет женщина с большой, белой как молоко грудью. Она закатывала глаза и громко стонала. От этой женщины пахло гвоздикой, розовой водой и ещё чем-то кислым, что сбивало все ароматы, но

Нусрет-паша никак не мог определить, что это за запах. Паша понял, что спит и видит сон, он понимал, что проснётся с мокрыми штанами, и утром ему придётся совершать полное омовение – гусл. Но он очень не хотел просыпаться. И вот скачущая на Нусрет-бее женщина вдруг приподняла его голову и обвила вокруг его шеи змею. Он испугался и хотел было проснуться, но у него не получилось. Тогда змея облизнула своим языком его губы и прошептала: «Между Солнцем и Луной проходит тонкая граница в полсекунды полёта, это границу можно пересечь, но только в одном направлении. От Солнца к Луне, но никак иначе. Нужно было бежать на Запад, Нусрет-паша». После этих слов повар Хасан проснулся с мокрыми штанами и медленно побрёл в умывальную комнату совершить гусл и сменить штаны.

В то же время шайтан, которому поручили найти и убить беглого пашу, продолжал жить своей обычной жизнью торговца письменными принадлежностями и особо не торопился исполнять поручение. Каждое утро он открывал свою лавку в Тебризском базаре, обслуживал покупателей, пересчитывал товар и всё время улыбался. Однажды вечером к нему забрёл странствующий дервиш, от которого шёл запах сандалового дерева.

– Салам Алейкум, хозяин.

– Ва-Алейкум-ас-салам.

– Я хочу купить у тебя тетрадь и несколько каламов, чтобы

записывать то, что вижу и слышу.

– Выбирай любые. Для тебя я снижу цену наполовину, святой человек.

– О нет, не называй меня святой человек, я обычный грешник, как и все, – возразил дервиш. У него была белая как молоко кожа, такого же цвета волосы и седая борода. Когда на дервиша падал свет, то отражался от его кожи, как от зеркала, и казалось, что не отведя взгляд, можно ослепнуть.

– Почему же ты грешник? Ты всё время молишься, соблюдаешь пост, читаешь Священный Коран. Даже если у тебя есть грехи, то не такие большие, как у многих.

– Ты прав, я стараюсь соблюдать все заповеди нашей религии, но даже при этом я не могу быть уверенным, что всё делаю правильно.

– Я тебя не понимаю! – удивился шайтан.

– Хочешь расскажу одну курдскую легенду, которую я услышал в Диярбакыре?

– Расскажи.

– Однажды пророк Моисей, Муса-пейгамбар, шёл по своим делам и увидел, как один старик взбирается на холм, а потом кубарем скатывается с него. Муса-пейгамбар очень удивился и стал смотреть, что этот старик делает. Тот снова полез на холм, и опять кубарем скатился с него. Тогда пророк подошёл к нему и спросил: «Мир тебе, отец! А что ты делаешь? Почему ты поднимаешься на холм и скатываешься с него?». Старик ответил ему: «И тебе мир, Муса-пейгамбар!

Я так молюсь Богу!». Пророк ещё больше удивился и сказал: «Разве так можно молиться? Давай, я научу тебя, как это правильно делать». Старик согласился и Муса-пейгамбар научил его правильно молиться, мыть руки и лицо, становиться прямо, делать поклоны, поворачивать лицо как положено, научил его словам молитвы и после этого они вместе помолились Аллаху и Муса-пейгамбар продолжил свой путь, оставив старика одного. Он подошёл к морю, ударил своим посохом, море расступилось перед ним, и пророк пошёл дальше. Но когда он был на середине моря, он услышал, что его кто-то зовёт. Повернувшись, Муса-пейгамбар увидел, как за ним бежит тот самый старик. «Что случилось, отец?» – спросил он. «Я забыл слова молитвы, Муса-пейгамбар! Что надо говорить, когда делаешь земной поклон?» – закричал старик. Муса-пейгамбар посмотрел на него и увидел, что ноги старика сухие, хотя он бежал по мокрому морскому дну, а ноги самого Мусы-пейгамбара мокрые. «Не надо никаких слов, отец! Твоя молитва ближе Аллаху, чем моя. Иди и молись как раньше», – сказал Муса-пейгамбар и пошёл дальше по своим делам. Вот такая история, – закончил свой рассказ дервиш.

– Ничего не понял, – сказал хозяин лавки. – Я, наверное, слишком необразован, чтобы понимать такие притчи. Извини меня.

– Это ты меня извини, добрый человек, – ответил дервиш. – Я отвлекаю тебя своими притчами, а ведь зашёл всего

лишь за тетрадь и каламом. Продай мне, пожалуйста, вон ту книжку и обычный калам, – попросил дервиш и указал на маленькую чёрную книжку в самом углу лавки.

– Прости меня, святой человек, не могу её продать, это моя книжка. Я в ней записываю свои дела и веду счета. Лучше продам тебе вот эту, за полцены, – и показал на лучшую тетрадь в его лавке с позолоченным тиснением. Её мне привезли из Исфахана. Чистая тетрадь в сто листов. Бумага китайская, а калам я тебе советую взять местный, тебризский. Они самые лучшие и почти не портятся.

– Ты такой добрый, – улыбнулся дервиш. Он оплатил нужную сумму и вышел из лавки.

Как только он вышел, шайтана пробили пот и трясучка. В тот день ему стало плохо, и он закрыл лавку ещё до захода солнца. Весь следующий день его била лихорадка, и он истекал вонючим потом. От него смердело луком, чесноком и недоваренным говяжьим хвостом. «Больше никогда не пущу ангелов ко мне в лавку!» – думал он, вытирая со лба пот.

Пока шайтан лежал в лихорадке и потел, Нусрет-паша изнывал от другой напасти. Каждую ночь ему снилась та самая женщина, которая оседлала его, и каждый раз ему приходилось после неё совершать полное омовение. «Так больше нельзя! Я с ума сойду от воздержания! Надо на кого-то залезть» – думал паша и ещё больше распалял свое воображе-

ние. Он потерял покой и погрузился в свои мысли и сны. Его блюда теперь больше пахли тмином, зирой и чесноком. В них появилось много соли и масла. Рис его плова просто плавал в жире, и постояльцы Караван-сарая очень удивлялись, тому, как привычные блюда меняют вкус, цвет и аромат. Однажды хозяин попросил его приготовить бадемджан, по вкусу одного постоянного гостя, ахунда мечети из Шираза. Нужно было просто обжарить баклажаны с луком и чесноком, как любил гость. Бывший Нусрет-паша так был поглощён своими мыслями, что вместо обычного бадемджан приготовил свой любимый османский имам баялды. Ахунд был в восторге и чуть не упал в обморок от удовольствия. Он подарил хозяйну Караван-сарая молитвенный коврик из дорогой ткани и послал повару серебряный аббаси за такое вкусное блюдо. А хозяин, когда узнал сколько оливкового масла из его запасов истратил новый повар, тоже чуть не упал в обморок. Так в руках беглого паши имам баялды сменил веру и превратился в ахунд баялды.

После выздоровления шайтан вновь открыл свою лавку, но неделю торговал только до аср-намаза, после чего закрывался изнутри и готовился к важному делу. Он купил отрез шёлковой материи и сшил из него себе красивое женское платье. После этого он купил сурьму, хну и египетскую помаду. Теперь от него пахло розовой водой, жасмином и бардакушем. Он вычистил свою кожу, так, что она стала белой как

молоко и без единого волоска. Натер себя маслами и благовониями, обвязался тонкой тканью и пролежал так всю ночь, пока его тело не стало мягким и нежным, как тело женщины. Он сел перед зеркалом и начал рисовать себе новое лицо. Это было лицо персидской женщины, которую он увидел очень давно. Может быть, та женщина уже умерла, а может быть, превратилась в немощную старуху. Шайтан нарисовал себе красивые округлые брови, но не стал их соединять, показывая тем самым, что это лицо замужней женщины. Он подвёл сурьмой глаза и накрашил египетской помадой губы. У него было прекрасное женское лицо, но в нём было что-то едва уловимое, отталкивающее, что-то омерзительное. Если внимательно приглядеться, то можно было видеть, что его левый глаз похож на букву «мим», а правый на букву «уау» и хвостики обеих букв образуют тонкую линию носа. Его накрашенные губы были похожи на лодочку, а ноздри на две точки, как будто это была буква «та». На лице женщины-шайтана было написано по-арабски «маут» – что значит «смерть».

В один зимний четверг, который был таким холодным, что стыла только что приготовленная еда, Нусрет-паша отправился на базар за покупками. Он обошёл лавки мясника, зеленщика, продавца овощей и продавца сладостей, купил рис, масло, лук и чеснок. Но пока он ходил по торговым рядам и делал покупки, он не почувствовал никакого запаха. Ни

мясо, ни овощи, ни куркума, ни зира, даже сладкая бамия и джелеби ничем не пахли. Как будто нос беглого паши закрылся от всего мира, хотя он не болел и не был заложен. Нусрет-бей совсем не обращал на это внимания, его голова была занята мыслями о женщинах. Он изнывал от желания, так что каждое утро совершал большое омовение. Другие служители караван-сарая посмеивались над ним. От их насмешек и ёрничанья безобидный повар убежал на базар. Пока он бродил по огромному рынку, за ним следовали два женских глаза, похожие на буквы «мим» и «уау».

Нусрет-бей стоял у двери в маленький неприметный магазинчик письменных принадлежностей. Он был настолько поглощён своими мыслями, что ничего не замечал вокруг. Его слегка толкнула проходившая мимо женщина, Нусрет-паша обернулся, чтобы посмотреть, кто его толкнул, и его прошиб холодный пот – как во сне. Через прорезь в чадре на него смотрели те самые глаза, которые он видел каждую ночь. В эту минуту умерла последняя капля его мужества, бывший паша окончательно стал трусом и понял, что погиб. Он до смерти испугался женщину, о которой мечтал, как мальчишка. Нусрет-бей заметил, что глаза смотрят на него с улыбкой. Чтобы спрятаться от этого страшного и влекущего взгляда, он вбежал в лавку для писцов и каллиграфов. В ней было пусто, как в доме, из которого ушли хозяева. Сюда не доносился шум многолюдного базара, и внутри лавки было теп-

ло и уютно. Не было ни владельца, ни продавца, ни покупателей – никого. Только на прилавке лежала открытая на середине тетрадь в чёрном переплёте, как будто её кто-то читал до прихода Нусрет-бея, но второпях оставил недочитанной и убежал. На самом деле тетрадь была недописанной, в ней не хватало пары абзацев о том, как некий персидский шайтан убил турецкого пашу, сбежавшего от гнева султана в Иран. Случайно заглянув в тетрадь, бывший паша прочел фразу, которая показалась ему знакомой, но он никак не мог вспомнить, где её слышал. «Между Солнцем и Луной проходит тонкая граница в полсекунды полёта, это границу можно пересечь, но только в одном направлении. От Солнца к Луне, но никак иначе. Нужно было бежать на Запад». Нусрет-паша оглянулся, нет ли поблизости кого-нибудь, и быстро схватив тетрадь, спрятал её во внутреннем кармане халата. Он быстро вышел из лавки и на него сразу же накиннулись сотни запахов. Это были запахи всех специй и фруктов, запахи овощей и мяса, сладостей и чая, даже запахи женщин и мужчин, запахи стариков и детей, ковров, украшений, меди и бронзы, кухонной утвари и деревянной мебели, запахи шёлковых одежд и подушек, набитых шерстью. У бывшего паши закружилась голова, он схватил сумки с покупками и смешно засеменял к выходу. Он быстро шёл и ловко уворачивался от людей, шедших ему навстречу, чтобы ни с кем не столкнуться.словно маленький ветер, паша вылетел из базара и через пару минут уже заходил в ставший ему родным караван-са-

рай.

В тот вечер он приготовил особенный ужин для хозяина и постояльцев караван-сарая. Он нарезал баранину тонкими кусочками, замариновал её перцем, луком, солью и душистыми травами. Вымыл рис в такой холодной воде, что его руки посинели, но бывший паша этого даже не заметил. Он залил казан на одну десятую сливочным маслом и с помощью тонкого лаваша протер маслом его стенки. Словно ковром, он устлал дно и стенки казана лавашом. Потом он сложил на дно казана слоями перец, лук, кусочки айвы, кусочки баранины, залил всё это кипятком, так, что верхушка оставалась не затопленной и поставил томиться на медленный огонь. Когда вода закипела, Нусрет-бей кинул в казан сушёного чернослива для кислинки и тушил баранину с овощами, пока слёзы не показались на его глазах. Потом он посыпал баранину щепоткой сумаха, так, что его можно было увидеть, но вкус, чтобы насладиться им, ещё нужно было уловить. Отдельно он сварил в чистой, как слезы, родниковой воде рис и дал ему немного остыть. После этого он равномерно разложил рис на большом блюде и сверху положил баранину с луком и черносливом. Всё это он полил горячим маслом и подал на стол. Сидевшие за столом гости молча, не проронив ни слова, смотрели на похожего на шакала повара и еле сдерживали текущие слюнки от запаха приготовленного им плова. Такого роскошного ужина в бедном караван-са-

рае не было ни до, ни после Нусрет-паши. Это был плов достойный шаха Аббаса.

Никто не сказал ему спасибо – во время ужина было слышно только чавканье и сопение сытых, но продолжающих есть гостей. После ночного намаза, когда все пошли спать, к повару подбежал мальчишка-слуга и сказал, что его спрашивает какая-то женщина. Когда бывший паша подошёл к воротам караван-сарая, его сердце бешено стучало в груди, ноги подкашивались, и запах страха крепко обнял его. Его ждала та самая женщина из его снов, которую он сегодня видел на базаре.

– Сегодня, ты случайно, сам того не сознавая, забрал у меня что-то очень важное, – сказала она и пристально посмотрела ему в глаза. – Вот я и пришла за своей тетрадью. Отведи меня к себе.

У Нусрет-паши язык прилип к горлу, он молча повернулся и повёл женщину в свою каморку. Их никто не видел, даже тот мальчишка на следующий день совершенно забыл о том, что повара спрашивала какая-то женщина.

В его келье она сняла с себя чадру и впиалась большими как у гурии глазами в бывшего пашу.

– Не бойся меня. Ведь ты всё время видел меня в своих снах. Вот я и пришла к тебе.

Она стала раздевать Нусрет-бея и заставила его лечь. Его страх сменился страстью, он уже не понимал, что делает. Па-

ша потянулся рукой, чтобы прикоснуться к ней между ног, но женщина одернула его руку.

– Не трогай меня там, я сама всё сделаю, – и залезла на него, точно так же, как и в его снах. Её грудь была белой, не такой, как у персидских или османских женщин, тело было мягким, как тело девочки. Она, закатив глаза скакала на нём, распространяя вокруг себя запах гвоздики, розовой воды и ещё чего-то кислого. Она не сняла полностью одежду, поэтому Нусрет-паша не видел её лона, она прикрыла его живот своей чадрой. Пока она скакала на нём, что-то мягко ударилось о живот паши, когда же он случайно приподнял её чадру, то увидел мужской член. Паша даже не успел крикнуть, как вокруг его шеи завязался шёлковый шнурок. Теперь он понял, что этот непонятный, кислый запах был запахом мочи.

– Между Солнцем и Луной проходит тонкая граница в полсекунды полёта, это границу можно пересечь, но только в одном направлении. От Солнца к Луне, но никак иначе. Нужно было бежать на Запад, Нусрет-паша. От османского полумесяца нужно было бежать не в Иран, не к Солнцу, а хотя бы в сторону Дубровника или Шкодера. А там и до Венеции недалеко. Ты выбрал неправильный маршрут, Нусрет-паша. А убить тебя приказали за то, что ты казнокрад и не поделился с Великим визирем, – сказал шайтан и лизнул лицо задыхающегося паши длинным змеиным языком.

На следующий день хозяин караван-сарая пошёл будить повара и нашёл того мертвым и залитым своим же семенем так обильно, как будто он всю ночь сношался с целым гаремом. На его шее был след от шнурка, но самого шнурка не нашли. А через неделю Коста-бей в Фанаре получил письмо из Тебриза со шнурком и сдачу в несколько акче – за то, что работа принесла шайтану не только деньги, но и удовольствие.

Домашнее чтение

Арчет

Иллюстрация Ольги Тамкович

А. Алая буква

Наверное, вы не читали эту книгу. А если читали, мой вам привет. В ней рассказывается о том, как женщину все презирали за адюльтер. Но она знала, что вела себя правильно, потому что любила этого человека. У меня всё было наоборот. До шестнадцати лет меня насиловал отчим, и все вокруг считали, что лучше этого не замечать.

Б. Букварь

Я росла без компьютера и считала это нормальным. Связи с окружающим миром не было вообще. Сейчас я понимаю, что вышло так не случайно. Сергей Валентинович (так зовут моего отчима) специально ограничил контакты с людьми, чтобы я жила в мире, все правила которого придумывал он.

Например, я была уверена, что учусь дома, потому что меня стыдно отпускать к другим детям – настолько я глупая и бездарная. На самом деле после четвёртого класса я сдавала школьную программу экстерном.

Я могла бы до сих пор жить в выдуманном мире. Сергей Валентинович очень умный. И хитрый. Он сделал только одну ошибку. Не отнял у меня букварь вовремя.

В. Властелин колец

Конечно же, у меня не было ни телефона, ни планшета, ничего в этом роде. И я не знала, что вокруг «Властелина» огромное количество людей, которые буквально живут в Средиземье.

Но это не мешало мне стремиться туда. Одна из немногих вещей, которые я помню о матери – запах, почему-то персиковый, большие ласковые ладони и голос. Ну... мамин голос. Она читала мне «Властелина колец» вслух. И когда я немного выросла, я тоже захотела прочесть Толкиена. Это всё, что у меня осталось от мамы. Я не помню её лица.

Г. Герой нашего времени

Главный герой показался мне очень похожим на отчима, каким он должен был быть лет десять назад. Поэтому я так и не смогла ощутить к нему сопереживание. Не поймите неправильно, на тот момент я считала Сергея Валентиновича богом. Даже не так – Богом. Жестоким, не очень умным, и только ему было ведомо, как ПРАВИЛЬНО жить. Сопереживать ему я не могла. Но...

Ветхий Завет велит убивать камнями за одежду из разных тканей. А если голоса в голове сказали тебе порешить сына Исаака, значит судьба такая. Так что Иисусу я сопереживала всегда. Ему не повезло с папой.

Вы, наверное, не понимаете, что происходит? В комнате, где я суммарно провела взаперти пятнадцать лет из шестнадцати, был книжный шкаф. Огромный, вместе с книгами он весил, наверное, тонну. Его было невозможно не то что сдвинуть, а даже поколебать. Глыба.

А это мой читательский дневник, как я его себе представляю. Всё детство книги были моей единственной связью с миром вне комнаты.

Д. Джек Лондон

Иногда я думаю вот о чём – ведь это были его книги, отчима. Ну или его отца, моего дедушки. Так или иначе, кто-то из них с удовольствием читал Джека Лондона. Как можно

переживать за персонажа, который совершенно на тебя не похож? Читать о том, как смелые и добрые люди покоряют Северный полюс, а потом бить жену?

Или персонажи Лондона тоже плохие? Или мой отчим на самом деле хороший? Ну, это точно нет. Но разве можно сопереживать герою книги неискренне? Кому тут врать, – Лондону?

Е. Если

В основании шкафа лежало много журналов, больше художественных. От какой-то советской «Крестьянки» и «Звезды» до «Литературной газеты». Но мне больше всего запомнился журнал «Если». Это были фантастические рассказы, и я помню, как не понимала многие из них. Почему? Потому что они рассчитаны на людей, которые живут в обычном мире и сравнивают всё с ним. А я жила в мире, который выдумал Сергей Валентинович.

Его любимой фразой было «Я – последняя буква алфавита». Со временем я выработала язык, в котором не было высказываний от первого лица. Наверное, психологам и лингвистам это бы очень понравилось.

Ё. Ёмкостные преобразователи

В моей комнате, а значит, и в нашем доме не было технической литературы. Не знаю, как приболудились эти «Преобразователи», но это была одна из первых книг, которую я по-

пробовала прочесть. Потому что она была тонкая и там было много картинок. Совершенно мне непонятных, конечно. Но всё равно я была поражена. Где-то есть люди, которые занимаются вот этим. Наверное, они совсем не такие, как я. Я – пустое место. Ненужная ёмкость, которую не преобразовать.

Ж. Жюль Верн, собрание сочинений

Как ни странно, эти книги (красивые тома с золотыми буквами на обреше) напрямую ассоциируются у меня с «Преобразователями». Помню, меня очень впечатлил Сайрус Смит из «Таинственного острова», который разводил огонь с помощью стекол от пары часов. Я ничего не знала о науке, но чувствовала, как у него много общего с теми людьми, которые веком позже написали тонкую книжку про электронику, непонятно кому и зачем нужную. Зачем было нужно то, что делали герои Жюль Верна, я понимала прекрасно. В основном они выживали. Совсем как я.

З. Заводной апельсин

А этот мир был очень похож на мой. Настолько, что фразу «Старое доброе ультранасилие» я считала не как иронию, а как факт. Только мораль была странная. Победили не «хорошие», а «плохие».

И. Идиот

Не дочитала. Хотя мне очень понравился Мышкин, но...

как обречённый на смерть щенок, играющий в яме, которую заливают бетоном. Всё его детское мироощущение мимо. Я никогда не была ребёнком.

К. Крёстный отец

Тут мне тоже почти всё было понятно, кроме главного: откуда у них такие тёплые отношения в семье. Особенно к приёмным детям. С каких пор это стало так важно? И второе. В начале книги Дон Корлеоне говорит что-то в духе: «Весь ваш закон – фигня. Как только доходит до настоящего дела, вы не надеетесь на него, вы идёте ко мне». А в конце извиняется перед сыном: «Я думал, тебе не обязательно будет вести дела, как я. Я думал, ты станешь сенатором Корлеоне...»

Зато кем стал его сын, мне очень понравилось. Тогда. Хотя и закрались сомнения.

Л. Лолита

Много разного можно сказать об этой книге, но за что я могу сказать спасибо Набокову – я поняла, что в моём положении реально манипулировать. Не то чтобы я горжусь этим. Дело в том, что отношения Гумберта и Ло на тот момент казались мне вполне здоровыми и органичными. Гумберт Гумберт – это была моя версия «принца на белом коне».

М. Маленький принц

Согласна, с Лолитой сочетается странно, но я прочла его

очень поздно и почти параллельно с ней. Возможно, именно эта книга меня и переломила. В нужную сторону. Она написана языком, которым нельзя врать. И то, что в ней написано, не буду ездить вам цитатами по ушам, было совсем непохоже на то, что я слышала от отчима каждый день.

В том, что может соврать Сергей Валентинович, сомнений не было никаких. Он много раз делал это при мне. Например, постоянно врал моей учительнице по поводу синяков и шрамов.

Н. Над пропастью во ржи

Учительница ходила к нам почти каждый день. Не знаю, почему отчим решил дать мне какое-то образование. Наверное, подумал, что так я буду ему полезнее. На самом деле учительница была не одна, но Юлия Алексеевна запомнилась сильнее всего. Она учила меня почти всем предметам, когда я стала постарше.

И потому что стала частью моего плана.

Сэлинджер на фоне безвыходного экстерна показался мне куда фантастичнее Жюль Верна. Мальчик сам куда-то едет, что-то решает, высказывает мнение. И все воспринимают это нормально. Такого в реальности не бывает. Но знаете, что я думаю сейчас?

Да, я не поверила. Но тексты влияют на нас очень сильно, хотим мы этого или нет. Даже если мы не согласны, просто попадая в сознание раз за разом, они меняют нас и делают

похожими на себя.

Наверное. Я не знаю. Мой отчим читал те же книги, на которых выросла я. Может быть, это работает не всегда? Или можно предать книги?

Однажды я попыталась обсудить прочитанное с Сергеем Валентиновичем, чтобы понять это, но он избил меня и отнял «Над пропастью».

О. Одиссея

Метафора, которая запала мне в душу – Сцилла и Харибда, как, наверно, и всем. Я чуть не запищала от восторга, когда нашла её, настолько это было похоже на две личности Сергея Валентиновича, между которыми я лавировала, как корабль, одновременно стараясь, чтобы меня не съели и не утянули с собой на дно.

Это было очень непросто. Как я потом узнала, «расщепление личности» не только поэтично звучит, но и очень точно описывает моего отчима. Способность одновременно быть ласковым и жестоким, с переходом от одного к другому за считанные секунды. А ещё он был очень хитрым.

Я могла бы рассказать об издевательствах очень много подробностей, но я уже столько рассказывала о них, что больше не хочется. Представьте, что у вас во рту шоколадка. Вы сжимаете челюсти, а внутри у конфеты обломок бритвы. Вот так это ощущается. И вы уверены, что ВСЕ конфеты такие.

П. Происхождение видов

Ключевая мысль Дарвина мне очень понравилась. Она ведь не про то, что выживает сильнейший. Выживает наиболее приспособленный. Это полностью отвечало моему опыту.

Довольно поздно я поняла, что жить по-человечески и выживать – очень разные вещи. Иногда друг с другом не совместимые.

Р. Робинзон Крузо

Вот, например, Робинзон. Он, конечно, выживает. Но ведь он легко мог выживать и дальше, а выбрал жить. Я поняла, что тоже хочу Жить.

С. Собачье сердце

Быть может, вам кажется, что в этой книге всё очевидно. Легко осудить Шарикова и посмеяться над ним. Но я должна сказать, он сделал большие успехи.

Многим кажется, что НЕ быть Шариковым просто. Наверное. Для вас. Понимаете... вы никогда не были псом. А это здорово влияет на восприятие.

Мне его жалко. Говорят, что собаки не думают о себе от первого лица.

Т. Трудно быть богом

Я прочитала довольно много фантастики, но эта, навер-

ное, единственная, где мне хотелось бы жить. Не в Арканаре, конечно, а на той Земле будущего, откуда прилетел к ним Румата. Возможно, её никогда не будет. Но именно прочтя эту книгу, я поняла, что стремление – тоже важно. Стремиться к тому, чего не видишь и не увидишь – в этом есть что-то от Экзюпери, и даже от науки с её абстрактными принципами.

Но бывают ли не абстрактные принципы?

У. Убить пересмешника

Наверно, бывают. Например, когда Аттикус пошёл защищать негра от линчевания, вряд ли он раздумывал над отвлечёнными моральными установками. Он просто пошёл, потому что так было правильно.

Все «правильно» задаются нам в детстве, но именно прочитав эту книгу, я поняла, что есть и ещё какое-то «правильно». Не божественное, нет, а вполне человеческое. Я вообразила себе, что человечество – это одна личность. Уже мёртвые люди – его прошлое, нерождённые – будущее. А я – настоящее. Маленький синапс в семимиллиардном мозге. Да, я совсем маленькая. Но я тоже решаю, что правильно, а что нет.

У кого-то другое «правильно», а у меня такое – родившееся из мыслей, записанных на бумаге. Это не абсолютная истина. Но это правда.

Ф. Фауст

Не самая свежая мыль, но скорость тьмы больше скорости света. Не уверена, правильно ли это с точки зрения физики, но свету нужно время, чтобы куда-то попасть. А когда свет исчезает, тьма заменяет его мгновенно. Всегда ли прав тот, кто быстрее, сильнее, наиболее приспособлен? Нет.

Не существует того, кто прав. Даже Бог убивает невинных, если он есть, и устраивает таким, как я, ад ни за что.

Существуют лишь те, кто не сомневается в истине, и те, кто стремится к ней постоянно, без надежды прийти к финишу.

Мы не встанем на почётные пьедесталы с первого до третьего места. В этой лестнице больше трёх ступеней, – и у неё нет конца в небе.

Поэтому я решила украсть телефон.

X. XX век: Новейшая история

Её принесла Юлия Алексеевна, и я глубоко впечатлилась невыдуманной историей. Придумать можно всё что угодно. Но это было. Она не смогла преподать мне историю так, чтобы у меня не появилось вопросов к миру вокруг. Возможно, это была главная ошибка моего отчима после букваря.

История была по средам, и каждое занятие во мне крепла уверенность, что пора что-то делать. Похоже это было заметно со стороны. Отчим почувствовал неладное и запретил подходить к книжному шкафу.

Ц. Цветы для Элджернона

Несколько книг я всё-таки ещё успела прочесть тайно. Например, «Цветы». Помните эпизод, где бедный глупый уборщик не понимает, что над ним издеваются сослуживцы – ему кажется, что они его любят, и всё такое? А потом он умнеет.

Вот и я поумнела.

Ш. Шерлокиана

Шерлок Холмс научил меня делать выводы и планировать. Когда они с Ватсоном сами пошли на преступление, то напортачили, где только могли. Я постаралась избежать их ошибок. Пошла к отчиму и стала обсуждать с ним всё, что прочитала за свою жизнь.

Щ. Щелкунчик

Да, это было сродни самоубийству, можете не рассказывать. Почти неделю я с трудом ходила до туалета, – так он меня избил. Но главного я добилась. Через пару дней отчим принёс в мою комнату несколько огромных коробок, сложил туда все книги и вынес их на помойку. Осталось только детское издание «Щелкунчика» под ножкой шкафа.

Ъ. Газета, кажется, Коммерсант

Ещё остались газеты, несколько штук. Они были за шкафом, и я нашла их, когда впервые сдвинула эту махину с места. Всё тело болело, но мне удалось. Конечно, я не могла

сдвинуть шкаф вместе с книгами, а если бы я начала вынимать их, это навело бы Сергея Валентиновича на мысли. Поэтому пришлось идти ва-банк.

Ы. Это просто моя любимая буква

Возможно, потому что кто-то вырезал эту букву на книжном шкафу. Мне нравится думать, что мама. И я смотрела на неё перед сном всю жизнь. А теперь не смотрю. У меня была не алая буква, а тёмно-коричневая.

Ь. Туалетная бумага

Сергей Валентинович почему-то любил именно такую. Мягкий знак.

Когда я выздоровела, Юлия Алексеевна вернулась, чтобы меня учить. И у неё был сотовый телефон, пароль от которого я подсмотрела заранее и зазубрила.

Во время урока я специально перекосила челюсть. Из ран на внутренней поверхности щёк, которые не зажили за неделю, пошла кровь. Я сплюнула ей на учебник. Юлия Алексеевна хотела сразу же отвести меня в ванную, но я её успокоила, как обычно в таких случаях, попросила сбежать в туалет и принести оттуда бумаги. Она пошла.

Телефон остался.

Э. Эсквайр

Это хороший журнал. А особенно он хорош тем, что да-

же в старых выпусках там были материалы о домашнем насилии. С номерами телефонов.

Когда учительница ушла, я задвинула дверь шкафом и совершила звонок.

Так себе кульминация? Поверьте, не для меня.

Ю. Ювенальная юстиция

Книга, которую не читал Сергей Валентинович. А я теперь знаю её хорошо.

Я

не очень жалею о книгах. Мне не кажется, что я предала их. Наоборот. Я сделала так, как было написано.

Чуть позже, проезжая мимо нашего дома, я увидела, что огромные коробки стоят на помойке, под жестяной крышей, и почти все книги оттуда разобраны.

Я собрала оставшиеся и отнесла их в библиотеку.

Спасибо.

Журнал Photo Metro

Эрих фон Нефф

Иллюстрация Александры Давидович

Бамбук.

Бамбук.

Пахнет настоящими джунглями, пахнет гнилью. Миниатюрный бамбуковый лес стоит вокруг джакузи – в зелёных глиняных горшках, расписанных чёрными драконами.

Я увидел, как её золотистое платье мелькает в просветах между бамбуковых стволов.

– Хочешь чаю?

Я протянул руку. Она подала мне чашку, держа её обеими руками. Горячий чай. Какой смысл пить горячий чай, принимая горячую ванну? Всё просто: вам предлагают чай – вы пьёте, это приятно. Чайная церемония. Хотя, она же японка, что она может знать про чайную церемонию? Впрочем, может у неё была возможность научиться. Кому какое дело, в конце концов?..

Она удалилась. Золотистое платье промелькнуло по другую сторону бамбуковых зарослей.

Я снова погрузился в горячую воду. Не спеша, дюйм за дюймом. Пузырьки воздуха щекотали мою кожу. Я опустился на самое дно. Слышал, как шумит насос, нагнетающий воздух в ванну. Ощущал кожей поднимающиеся к поверхности пузырьки. Только пузыри, вода и я. Пребывающие в своём собственном микромире. Триедином. Каждая сущность порождает другую. Без объяснений. Без вопросов. Без размышлений... Самодостаточные. Ещё есть крепкая основа для самодостаточности.

Я вынырнул на поверхность. Из подводного микрокосмоса – в привычное пространство, разделённое на три измерения, под определёнными углами пронизанное линейным временем.

Всё тот же бамбук. Я посмотрел сквозь заросли и увидел...

Глаза.

Мой дядя Джеймс был одним из выживших в марше смерти на полуострове Батаан¹. По обе стороны тропы, по которой гнали пленных, рос бамбук. Чьи-то глаза наблюдали за маршем из зарослей. Спасали пленников, когда выпадал шанс. Присматривали за Джеймсом.

Стрелы бамбука. Линии, там и сям прочерченные в пространстве. Под разными углами, во всех измерениях. Но не пересекающиеся.

Мы смотрели друг на друга сквозь бамбуковые заросли. Глаза в глаза.

– Ещё чаю? – спросила она.

– Да, пожалуй. Ещё чаю.

Она ушла за чаем. Я слышал её удаляющиеся шаги.

Я уселся на край джакузи. Сидеть на торце твёрдых дощечек было жестко. Неподалёку от джакузи кто-то оставил журнал Photo Metro. Я потянулся и взял его в руки. Станный выбор для этого места. Почему именно репортажный фотожурнал? Почему не свежий номер Playboy или любого другого порножурнала? Я вообще ни разу не видел здесь порножурналов; вероятно, таковы предпочтения клиентуры. Изыс-

¹ «Марш смерти на полуострове Батаан» – трагическое событие, произошедшее во время Второй мировой войны на Тихоокеанском театре военных действий. 9 апреля 1942 года, после поражения при битве за Батаан, генерал-майор Эдвард Кинг сдал свою группировку, насчитывающую 78 тыс. солдат, противостоящей японской армии. Пленных солдат прогнали пешим маршем протяженностью 97 километров до концентрационного лагеря в Кабанатуане. Около 10 тыс. пленных погибло от голода, жажды, ран или были убиты конвоирами без всяких причин. Батаанский марш смерти признан военным преступлением. (Прим. перев.)

канность? Отсутствие интереса? Или просто потому, что через пару минут вы сможете и увидеть и ощутить реальную женскую плоть. Вам предоставят первоклассный товар. Так к чему суррогаты? Не стоит спешить. Расслабьтесь с картинками из Photo Metro.

Журнал за октябрь 1984 года предлагал вниманию читателей интервью с фотографом Уильямом Гарнеттом, а также несколько его работ, снятых с высоты птичьего полёта.

Перспектива. Аэрофотоснимки Гарнетта демонстрировали американские ландшафты, обрамлённые линиями дорог, прямыми и извилистыми. Топология прямых и извилистых линий, формирующая целую нацию. Горы, поля, здания – вместе с географическими координатами. На снимках были как отдельные объекты, так и целые массивы. Люди тоже попадались – как едва различимые точки.

Я сидел на краю джакузи, болтал ногами в воде и обливался потом. Если бы мои ноги могли впитывать воду, она просочилась бы по моему телу и выступила каплями сквозь поры на лице. Как если бы я был растением. Чёртовым бамбуком.

Я услышал её шаги. Увидел сквозь бамбуковую поросль, как она подходит. Всё ближе и ближе. А я просто сидел и обливался потом.

Я не сделал ничего. Побоялся риска. И поэтому чувствовал вину. Будь оно всё проклято.

«Прости, Джеймс, я не смог заставить себя

прочитать твою рукопись про Батаанский марш смерти и концлагерь в Билибиде. Я написал письма в Сенат, в Конгресс, в архив военноморского флота. В ответ они прислали мне много разных бумажек, которые следовало считать официальными документами.

Я переслал эти бумажки и твою рукопись некоторым выжившим в Марше смерти. Но я так и не смог заставить себя это прочитать.

Для меня «Батаан» и «Кабанатуанский концлагерь» – всего лишь слова. А ты рисковал жизнью, когда вёл там свой дневник. Но я принадлежу другому времени, для меня эти слова не значат ничего».

Она протянула мне чашку обеими руками. Я принял чай, выпил его одним глотком. Всё, я уже был сыт по горло чайной церемонией.

Невозмутимое лицо, обрамлённое чёрными волосами, миндалевидные глаза.

– Хочешь, сделаю массаж?

Кодовое обозначение секса. Обычные слова, сложенные в обычную фразу. Ни для кого не секрет.

Я дотянулся до своей одежды, достал бумажник. Одежду я держал поблизости, чтобы была у меня на виду. Так оно спокойнее.

Она убрала деньги в кошелёк, кошелёк положила на скамейку. Затем через голову сняла с себя платье, свернула его и положила поверх кошелька. После этого она скользнула ко

мне в джакузи. В тесное цилиндрическое пространство. Мы касались друг друга; меня соблазняли мокрые пряди её волос.

Вместе мы погрузились в горячую воду; спину щекотали воздушные пузыри.

*«Джеймс, я являюсь с твоим врагом и мне плевать.
Я буду стараться протолкнуть твою рукопись, но сам
читать её не стану».*

Слабоволие?

Я принадлежу другому времени; у меня своя любовь, своя ненависть.

Она вылезла из джакузи на деревянный настил. Дощечки вибрировали под её ногами. Уходя, она наступила на журнал Photo Metro.

Я снова взял журнал в руки.

Он промок насквозь.

Впрочем, в его заметках всегда было много воды.

Из книги «Проститутки на обочине» (Чтиво, 2019).

Серёга Илья Смирнов

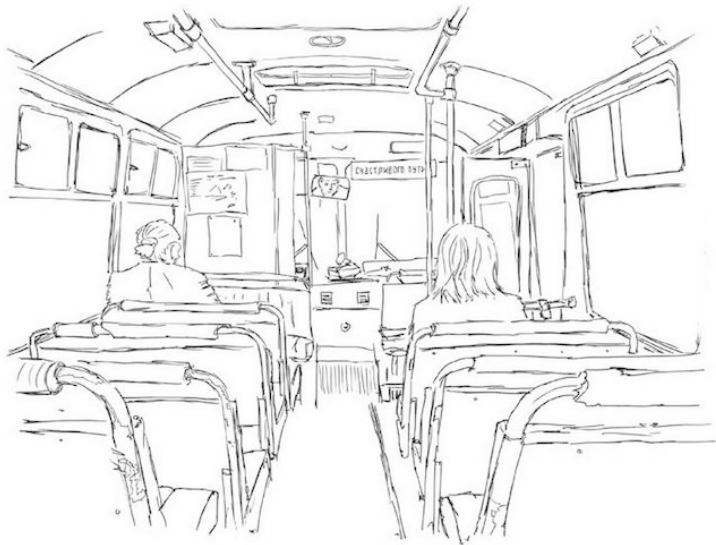

Иллюстрации Ильи Смирнова

Бабка умерла. «Нужно, чтобы ты приехал, – говорили они в трубку, – на день, решить несколько вопросов». Я отвечал, что занят, что мне дела нет до её избушки. «Делов-то, обраточкой, одна нога тут, другая там». Согласился. Весь день не вылетала из головы эта глупость про ноги. Надо было спросить, какая именно нога тут, и какая там? И «там» – это где? У них или у меня? Вызвать ступор, непонимание, обиду. Это им «делов-то», а мне одной ногой, считай, в говно.

Маршрут не популярный, особенно в субботу. Вышел в предрассветные сумерки, плыву сквозь густой воздух ран-

ней весны в сторону вокзала. Напомнило сборы на школьную экскурсию, предвкушение длительной поездки в автобусе с пацанами, а может даже с неразборчиво выбранной подружкой из параллели. Погружение в это сладостное чарующее ощущение быстро смывается волной хаотичных мыслей и воспоминаний, неразрывно связанных с многочисленными поездками. Тут и рвота в проходе автобуса, и крик учителя, спалившего нас с пивом на задних сидениях, и разрыв с той самой подружкой. Сейчас всё проще. Сел и жди, терпи зуд в затёкших ногах и громкий храп жирной дамы через ряд. Первые слепящие лучи солнца, пронизывающие автобус насквозь, у меня всегда вызывают раздражение: они расщепляют микромир внутри автобуса, окружённого холодной враждебной темнотой.

У меня никогда не было желания вернуться в город детства: зачем нужна тоска по прошлому, когда её хватает и в настоящем. Проехали въездной знак – первый индикатор убогости поселения. А ведь я на него залезал, оставив велик внизу, сидел на знаке с гвоздём, искал среди надписей пустое место для своего петроглифа, но так и не нашёл. Кажется, я вообще не оставил своего следа в этом городе – я не любил ломать. Автобус заворачивает к ларьку – местному автовокзалу. Аккуратно выхожу в месиво из снега с песком. Оглядываюсь, застёгиваю пуговицы на пальто, похлопываю себя по карманам. Самое время закурить, чтобы оправдать заминку,

но я не курю. Подхожу к ларьку, чтобы рассмотреть расписание автобусов, приклеенное на стекло. Не густо. Достāju телефон и фотографирую. Чувствую боковым зрением на себе хмурый взгляд бабки из полумрака ларька. Возникает желание резким ударом в стекло вывести её из роли хамоватого царька, заставить бояться. Отхожу, даже не взглянув на неё.

Мой путь лежит через частный сектор – пятно грязи на картах каждого провинциального города. Нечищеную дорогу обрамляют покосившиеся избышки и дома, местами облицованные пластиковыми панелями.

Всю жизнь меня не покидает мысль, что наши города были возведены какой-то другой расой, которой пришлось покинуть Землю по непонятным причинам, и лишь тогда пустые дома заселили мы и стали усердно их разрушать. Это единственное логичное объяснение такой быстрой эрозии. Мы – паразиты, доведшие хозяина до смерти и теперь нетерпеливо ждущие своего конца.

Я иду лишь десять минут, а этот город уже проникает в меня сквозь трещинки ботинок, увлажняя носки. Запах расплавленных бань плавно перетекает в вонь из переполненных выгребных ям. Столь привычный раньше, непрерывный лай собак уже начинает угнетать. Такое чувство, что я – сбегавший заключённый, которого медленно окружают поисковые бригады. От пронизывающего ветра по телу пробегают стаи омерзительных мурашек, которые я стряхиваю резким вздрагиванием. Уже вижу дом бабки с примыкающим к нему забором. Блестящие заплатки на ржавой крыше, сам дом на скорую руку перекрашен в депрессивный зелёный цвет, на одном окне нет наличника. На тропинке к калитке – притоп-

танные еловые ветки. Мне ведь не позвонили, когда её хоронили. Лишь узнав, что я в доле, решили связаться со мной. А чего я, собственно, хотел? На месте звонка в заборе зияет дырка. Подхожу к окну, стучу по дребезжащему стеклу. На подоконнике всё те же убогие глиняные фигурки двух коней, выставленные напоказ. Их было три, пока одного не разбил Рыжик, но мне тогда не поверили и отлупили тапкой. Рядом с конями в углу примостился роутер с моргающими светодиодами. Он так инородно смотрится на вязанном пледе: этот дом отторгает новые технологии. Я стучу ещё раз, только громче. Занавеска дёргается, за окном появляется хмурое лицо дяди Вадима, он оценивает мужика на улице и мало-помалу начинает признавать в нём черты пацанёнка. Наконец личность установлена, дядя сморщивается в улыбку: «А-а-а, это ты! Ща, погоду, открою», – приглушённо звучит через стекло, дядя скрывается за занавеской. Скрип входной двери, быстрые шлепки тапок по двору, скольжение, черты-ханье и снова шлепки.

Я не проявляю наигранной дружелюбности, поэтому приветствие со всеми домашними проходит без объятий, скомкано и робко. Меня всегда недолюбливали за отказ от традиционного лицемерного поведения. Дядя, взявший на себя роль посредника, похлопывает меня по плечу и говорит: «Вон как вымахал! Мужик-и-ик. Ну чё? Чай? Кофе? Потанцуем?» Вадим гогочет, поглядывая на мою реакцию, которая

его быстро успокаивает. «Да ты присядь хоть, в ногах правды нет. Расскажи, как жизнь молодая?» – пытается он разговорить меня. В детстве во избежание конфликта я придерживался тактики безвольного подчинения, но сейчас я ни от кого не завишу и могу поступать как хочу. А я хочу быстрее всё это закончить. «Давайте сначала решим вопрос, а потом уже и поговорим», – спокойно предлагаю я. Секундное ошеломление сменяется бурным оживлением – хлопает комод, дребезжит сервиз, скрежещут табуретки.

Местный нотариус – друг семьи, так что вопрос решается на удивление быстро. Домашние рады тому, что я ни на что не претендую. Дядя даже в сердцах жмёт мне руку и впервые смотрит на меня с уважением, как на мужчину. Ловлю себя на мысли, что это, возможно, последнее наше рукопожатие. Звонящее в тишине напряжение начинает рассеиваться. Мы сильно надышали в этой маленькой комнатке, пропахшей бытом человека, поэтому тётя рывком открывает форточку, и влажный свежий воздух просачивается внутрь, как шампанское из бутылки в честь заключения отличной сделки.

«Ну... Рассказывай... Как житуха?» – снова начинает спрашивать дядя. Мои ответы настолько скучные, что для поддержания видимости диалога Вадим начинает рассказывать о себе и других членах семьи, о соседе, о Коле из крас-

ного дома на углу, о том, что видел Серёгу на днях. «Хороший пацан, девятку купил, обживается», – резюмирует дядя.

Серёга – это мой друг детства. Ходили вместе в школу, болтались по улицам, засиживались друг у друга в гостях. Мы пропускали через себя одну и ту же информацию, будь то игры, фильмы, музыка. Мы наладили между собой такую прочную нейросеть, что слова были не нужны, достаточно было увидеть его живой глубокий взгляд, чтобы стало ясно: Серый понял. Мы плечом к плечу сражались с предрассудками, навязываемыми взрослыми, нам претила мысль жить по заветам тусклых предков, общаться их обыденным языком, полностью состоящим из пустых фразеологизмов. Мы даже коллекционировали мерзкие фразочки: услышав в разговоре взрослых новый «смехуёчек», мы сразу водружали его на полку нашей лексической кунсткамеры. Её экспонатами, например, были такие выражения: «Как дела? – пока не родила», «А хихи ни хохо?», «Как, как? каком кверху!

Сюда входили и изнасилованные цитаты из фильмов, и поговорки, и сальные бородатые анекдоты. По наличию в речи подобных фраз мы диагностировали отсталость индивида, а по частоте их употребления – степень его деградации. Бывало и так, что находясь в явно маргинальной шайке, мы специально насыщали нашу речь словесным мусором, непременно становясь душой компании. Скармливая шлак толпе, мы её разогревали, а затем собирали урожай из новых фразочек. Это была своеобразная ловля на живца. Достаточно было взглянуть на Серёгу, чтобы по его искрящимся глазам сразу понять, что он доволен уловом.

– В смысле ничего нет? Я недавно покупал, – притворно хмурится Вадим.

– В большой семье зубами не щёлкают, – незамедлительно следует ответ тёти.

– Придётся идти в магаз. Не пустым же чаем его кормить! – сетует дядя и встаёт из-за стола.

Я представил, в какой неловкой ситуации окажемся мы с домашними, если дядя уйдет: звон тишины будет осязаем физически. Поэтому я решаю пройтись с ним. Следуют неуверенные уговоры остаться, но я говорю, что хочу размять ноги и пройтись по городу.

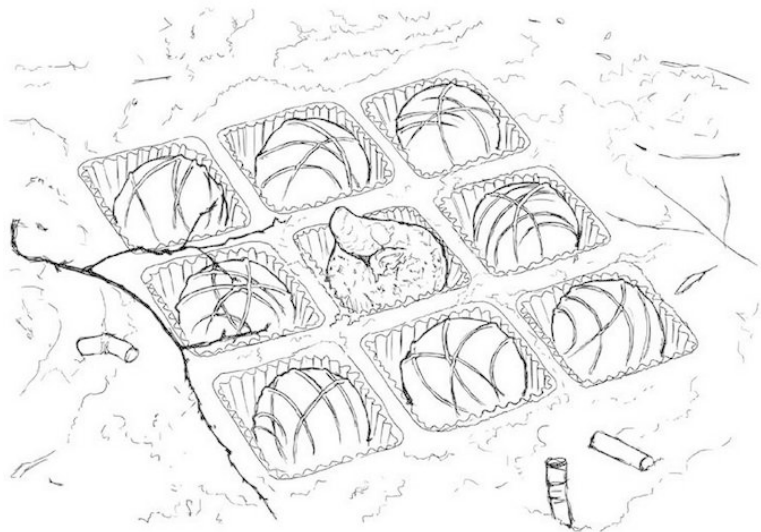
Хлопает калитка. Дядя откашливается и сплёвывает в чернеющий провал в сугробе, куда зимой сливали грязную воду из вёдер. Он с презрительным прищуром оглядывает улицу, закусывает сигарету, поджигает её зажигалкой, на этикетке которой разлеглась полуголая модель, и сипит: «Ну чё, по коням». В отличие от меня, дядя не стесняется месить грязный снег своими резиновыми сапогами, в которые он наспех заправил растянутое трико. По пути он перекидывается несколькими фразами с соседками, копошащимися за кривыми заборами своих участков. Каждая из этих женщин с интересом и недоверием рассматривает меня. Они явно знают, зачем я тут, и пытаются по лицу угадать моё решение

раньше, чем до них дойдут официальные сплетни.

На перекрёстке дядя впервые останавливается, просчитывая траекторию дальнейшего движения. «Да уж, весна покажет, кто где срал», – ухмыляется он. Вся земля перед нами усеяна собачьим дерьмом, которое падая на снег горячим, подтапливает его, образуя под собой углубления, и в целом эта уличная композиция напоминает коробку шоколадных конфет, вдавленных в пластиковую формочку. Обходя по краю дороги и почти прижимаясь к зассанным теми же собаками сугробам, я слышу чертыханья дяди. Значит, всё-таки вступил. Одна нога тут, другая там.

Магазином тут называют маленький кирпичный домик со скрипучей, обитой металлическим листом дверью. Из-за постоянных ограблений окна магазина заложили кирпичом, поэтому, заходя в него, ты словно оказываешься в тесном бункере с запасами продовольствия. Тусклый жёлтый свет ламп, дребезжание старых холодильников, запах хлорки, хлеба и рыбы. «Катюха, привет, нам бы к чаю чё-нить», – приветствует хозяйку дядя. Тётя Катя относится к тем женщинам, которые постепенно полнеют, не давая возможности появляться морщинам, поэтому за время моего отсутствия она почти не постарела, зато заметно округлилась. Мне она нравится. Взгляд её голубых глаз умный и при этом добрый. Всегда казалось, что она рождена для большего, хотелось ей

как-то помочь, вытащить из этого болота. Тётя Катя меня узнала, оценивающе осмотрела и искренне улыбнулась. Кажется, она рада видеть меня таким: в хорошей форме, новой одежде, без тлетворных признаков алкоголизма на лице. Дядя, опершись локтями на витрину, разглядывает скучный набор залежалых шоколадок: «Так... Катюх, давай мне хлеба... Полбуханки... Водочки получше какой-нить... Не, давай ту, что правее. Во! Ну... И это самое... К чаю-то... Вон там... Сверху... А, это хлопья. Ну давай тогда эту вон коробку, этих, как его... к-конфет шоколадных».

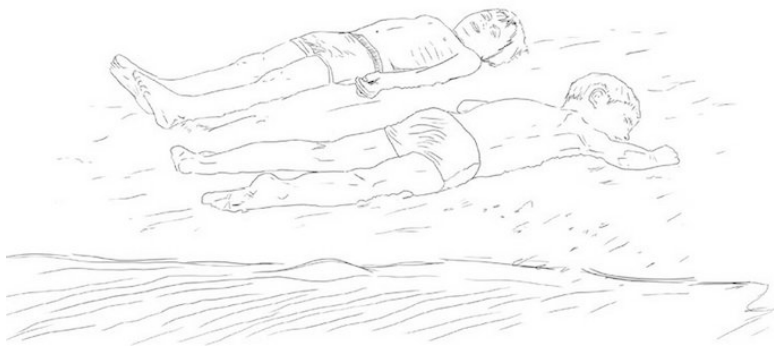
На выходе дядя предусмотрительно засовывает бутылку водки во внутренний карман куртки, чуть не выронив из-под мышки коробку конфет, похлопывает себя по карманам, достаёт пачку сигарет, открывает и, не обнаружив там содержимого, сипит: «Фу ты ну ты, чуть не забыл, погоду, я стогняю за куревом».

Я говорю, что хочу пройтись до моста. «Да я пыром же... Ну смотри... Ну ладно, тогда подкатывай, как нагуляешься», – соглашается дядя и скрывается за дверью магазина.

Я иду в сторону реки. Широкие пологие ступеньки бетонной лестницы, ведущей к мосту, каждую зиму затаптываются снегом, превращаясь в горку, которую с усердием полируют жопы школьников, поэтому спускаться приходится рядом, по виляющей тропинке, посыпанной песком. Мне всегда нравились эта минималистичность и утилитарность деревянного моста. Поручни и стойки перил слишком толстые: свадебный замок не повесить, поэтому молодожёны избегают этот мост. Я ступаю на него, иду до середины и прислушиваюсь. Толстый слой льда, покрывающий поверхность реки, сходит на нет у опор моста, поэтому даже зимой слышен монотонный шум воды, который, как гул мегаполиса, сначала заставляет насторожиться, но постепенно растворяется, становясь приятным фоном для мыслей. Мы многократно переплывали эту речку с Серёгой. Помню, мы плыли кролем

наперегонки. Я думал, мы идём наравне, но когда перешёл на брас, по отсутствию всплесков воды понял, что Серёга отстал. Я повернулся высмеять его, но Серёги нигде не было. Я увидел пузыри, на поверхности воды на секунду появилась его рука и снова исчезла. Значит, он решил оправдать свой проигрыш желанием померить глубину? И это при том-то, что он ненавидел илистое дно. Я поплыл в его сторону, ориентируясь по пузырям. Решив напугать его под водой, я нырнул в мутную толщу и начал грести в его сторону. Мы столкнулись раньше, чем я предполагал. Возможно, его снесло течением, или он сам плыл мне на встречу. Я нащупал его торс, обхватил ногами и стал утягивать на дно. Я ждал, что Серёга начнет вырываться, но он лишь слабо коснулся рукой моего лица. Только тогда я понял, что всё это время он тонул. Дальше всё было на автомате. Я заработал ногами и левой рукой, обхватив Серёгу правой. Мы вынырнули и с первым же вздохом наглотались воды. Серый, как образцовый утопающий, усердно мешал его спасать: от кашля он стал дёргаться ещё сильнее, махать руками, хватать меня за голову и топить. Дегустация воды продолжалась. Мне надо было заставить его успокоиться, и я не нашёл лучшего способа, чем ударить его в лицо кулаком. Помогло. Секундного замешательства было достаточно, чтобы оказаться у него за спиной, перехватить за подмышки и начать буксировать его к берегу. Серый перестал сопротивляться и сосредоточился на кашле. У меня уже начало ломить ноги, когда я нако-

нец-то нащупал пятками песчаное дно. Я сел, вытянул Серёгу на берег, перевернулся на четвереньки и начал откашливаться. Мы окончательно выползли на сушу и распластались на песке. Я лежал на животе и постоянно сплёвывал. Серый скрючился спиной ко мне и трясся. «Я только что спас человека», – думал я, – «и что, теперь я герой?» Почему тогда вместо внутреннего свечения, я чувствую только боль в горле и лёгких? Не так я это представлял. От размышлений меня отвлекли тихие всхлипы: Серый плакал. Позже он рассказал, что на середине реки у него свело обе ноги и заломила спина, он кричал мне, но я не слышал. А задыхаясь на глубине, он думал о том, как сильно мама расстроится, и всё казалось ему каким-то ненастоящим, он не поверил в смерть, был уверен, что сейчас перезагрузится. А через секунду его бочину протаранила моя черепушка.

То лето было насыщено откровениями. Это был пик нашей дружбы. Потом Серый нашёл себе Ольку. Ну а дальше всё по обычной схеме, когда фокус смещается с друзей на бабу. Предательство, которое ты должен принять с достоинством, без обид.

Я перехожу мост и бреду по берегу по направлению течения реки. В этой стороне был своеобразный парк – клочок леса, зажатый между рекой и дачами. Белая вытоптанная дорожка усеяна чёрной шелухой семечек. Начинаю углубляться в парк, прохожу мимо наполовину закопанной в землю металлической бочки, заваленной мусором. Многочисленные вмятины и обугленные края этой урны свидетельствуют о её многофункциональности. Ещё в моём детстве местная адми-

нистрация расщедрилась и выделила гроши на три лавочки для парка, которые усердно забетонировали на живописном возвышении с видом на реку. Правда, я так и не успел на них посидеть: они вечно были заняты злыми бабками, а потом их и вовсе спилили и унесли в частные дачные коллекции.

Из воспоминаний меня выдёргивает резкий женский вскрик: «Я кому сказала? А? Не беги! Стой, сказала». Впереди меня на опушке стоит мамаша и её неподдающийся дрессировке отпрыск. Он нарушил приказ и отчаянно рванул вперёд. Однако как только атлант расправил плечи, он

пал ниц, подкошенный своим же развязавшимся шнурком. Победный смех резко сменил пронзительный вопль поражения. Угнетатель неспешно настигает узника: «Я кому говорила? А?» Женщина подходит, небрежным рывком поднимает ребёнка и грубыми шлепками начинает его отряхивать, причитая: «Я кому сказала? Не ребёнок, а идиот какой-то». Я узнал её. Это была Ксюша. Она училась на два класса старше, общалась с неформалами, курила с ними за школой. Вот и сейчас она сжимала пальцами сигарету, продолжая другой рукой нервно отряхивать ребёнка, а тот и не думал затыкаться. Наконец она меня заметила. Оглядела с ног до головы настороженно-презрительным взглядом и, кажется, не узнала. Проходя мимо них, я чувствую, как она напряглась, на всякий случай готовясь отбиваться от меня. В нашем менталитете нет оправдания праздно шатающемуся мужчине, тем более в парке. Старики приходят сюда доживать серую жизнь, мамки с детьми – насытить пыльные лёгкие живительным кислородом, влюблённые парочки – разнообразить скучные будни в ожидании секса. Мужчине же тут места нет. Что ему тут делать? Точно маньяк. Ходит, бродит тут. А семью кто кормить будет? Шёл бы лучше работать или воевать. Подумаю о работе, я рефлексивно смотрю на часы и тут же вспоминаю о расписании автобусов. Достая телефон, открываю фотографию и понимаю, что до ближайшего отправления осталось тридцать минут, а следующий автобус почти через четыре часа. Я представил, как буду насиловать время, ведя

натянутую беседу с домашними, и решил ускориться. Лучше быстро загляну попрощаться и наконец-то покину этот город.

Сворачиваю на тропинку, ведущую к реке, и ускоряю шаг. Выйдя из леса на берег, я хотел было пойти в сторону моста, но так я бы потерял около пяти минут, а ведь можно срезать по льду. Как раз около меня начинается вытоптанная тропа, проложенная по диагонали и заканчивающаяся на том берегу, недалеко от моста. Я сомневаюсь, что лёд меня выдержит, поэтому медлю, теряя драгоценные секунды. Но ждать долго не приходится: мои сомнения рассеивает мужик, вступивший на тропу с противоположного берега. По габаритам он больше меня, по крайней мере вширь, так что я решаю рискнуть. Главное аккуратно с ним разойтись. Я соскальзываю с берега и шагаю навстречу приближающейся фигуре в расстёгнутой камуфляжной куртке. Походка мужика кажется мне знакомой. Несмотря на свою грузность, при каждом шаге он будто слегка подпрыгивает. Такая походка была у Серёги. Нет. Не может быть. Серый? Я надеюсь, что обознался, но мужик прищуривается, сплёвывает вбок и расплывается в Серёгиной улыбке. Немного натянутой и измученной, но всё-таки Серёгиной. Метрах в семи от меня он широко разводит руки в стороны, и мне ничего не остаётся, кроме как повторить за ним. Правда у меня это выходит менее уверенно. Мой жест не является дружественным привет-

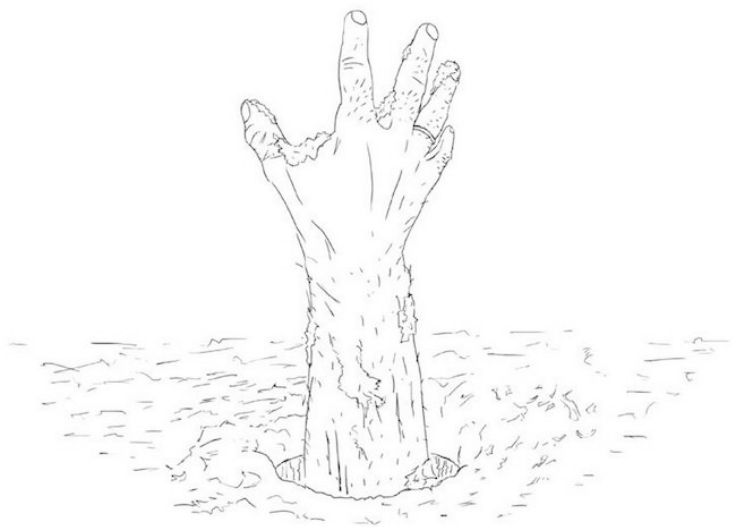
ствием, он больше походит на смиренное признание своего бессилия. Если бы это движение показывал дядя Вадим, он непременно бы добавил что-то вроде: «Ну, а чё уж тут поделаешь-то, такая жизнь». Две нелепых секунды, и мы обнимаемся. Точнее Серёга обхватывает меня, зажав мои руки, поэтому мне остаётся довольствоваться похлопываниями по его располневшим бокам. Четыре секунды, пропитанных запахом его прокуренного свитера, нечленораздельный хрип. Несмотря на неловкость, я действительно рад ему. Просто мы слишком долго не виделись, и я не готов слёту признать в нём того самого Серёгу. Наша нейросеть нуждается в калибровке, и лучше с этим не затягивать. Когда он отлепляет меня от себя и, ухмыляясь, начинает разглядывать, я решаю сдуть пыль с нашей коллекции фразочек и вываливаю самый пустой вопрос: «Ну, как дела?» Серый хмыкает и незамедлительно отчеканивает: «Как сажа бела!» Я смотрю в его глаза в предвкушении увидеть две горящие искры, но обнаруживаю лишь два потухших уголька, и с каждой новой фразой я всё отчетливее понимаю, что это уже не Серёга, а лишь жалкая пародия на него, с опухшей щетинистой рожей и висящим брюхом. Я смотрю в его пустое лицо, и тут меня пробирают такие отчаяние и злость, что я толкаю его в грудь. Он отшатывается назад, пытаюсь устоять на ногах. «Ты чё, с дуба рухнул?» – ошеломлённо хрипит Серёгин двойник. Я молча шагаю в его сторону. Он пятится по снегу назад, в сторону моста, но через несколько шагов я его настигаю и

толкаю ещё раз. Он с трудом сохраняет равновесие и продолжает отступление. Я себя уже не контролирую, кричу что-то вроде: «Ты... Ты!.. Да я!.. Тебя!» – и продолжаю теснить его к мосту. Он что-то кричит в ответ, размахивает руками, мельтешит ногами, то и дело оступаясь, но я его уже не слышу, я просто иду. Запыхавшись, Серый останавливается, разводит руки в стороны и что-то усердно старается до меня донести. Поняв, что я не остановлюсь, он сводит и выставляет вперёд руки в попытке защититься, но по мере моего приближения от страха прижимает их ближе и ближе к груди. И тут я толкаю его третий раз, поскальзываюсь и, потеряв опору, падаю на четвереньки. Серёга же отшатывается, усердно размахивая руками, делает ещё три шага назад и всей своей тушей падает на лёд и проламывает его. Он полностью уходит под воду всего на три секунды, но их хватает, чтобы течение снесло его от образовавшейся пробоины. Я слышу, как Серёга прямо подо мной глухо ударяется об лёд. Я замираю и прислушиваюсь, уставившись в снег, запечатлевший последние Серёгины шаги. Сначала всё тихо: скорее всего, он прощупывает поверхность льда, пытаюсь за что-то ухватиться. Через несколько секунд слышу очень тихие удары позади себя. Видимо, он пытается пробить лёд кулаком или локтем, а поток воды всё дальше оттаскивает его от спасительного пролома. Я отползаю на несколько метров от него, встаю, разворачиваюсь и, прислушиваясь, медленно двигаюсь по течению. Но я не слышу ничего кроме соб-

ственных шагов, поэтому приходится остановиться. Пытаться разгрести снег бесполезно: я всё равно ничего не разгляжу в тёмной воде через мутный лёд. На сколько секунд может задержать дыхание среднестатистический человек? Надо ещё учесть, что Серый мог не успеть глубоко вдохнуть, а его излишний вес и усердные попытки проломить лёд заставляют организм быстрее расходовать остатки кислорода. К тому же он курильщик. Неужели Серёга так быстро сдаётся? И тут я слышу ещё один удар, на этот раз с хрустом льда. Метрах в пяти от меня я замечаю движение снега. Вдруг его прорывает окровавленная кисть. Как Серёга смог пробить такой толстый лёд? Это просто невозможно. Когда я подбегаю, всё становится на свои места. Дырка по форме представляет из себя идеальный круг сантиметров пятнадцать в диаметре. По невероятной случайности уносимый течением Серёга нарвался на свежую лунку, прорубленную местным рыбаком. «Счастливым будет», – сказал бы сейчас Дядя Вадим. В этот момент кисть исчезает и на дне лунки я вижу Серёгино лицо с вытаращенными глазами. Он видит меня и попытается что-то сказать, но уровень воды чуть выше его рта, поэтому я слышу только что-то среднее между мычанием и гудением. Выпустив последний отработанный воздух, Серёга прижимается лицом к лунке, пытаясь подтянуться губами до воздуха, но до поверхности воды остаётся не меньше трёх сантиметров. Я смотрю как Серый, словно рыба, беззвучно хлопает ртом в безуспешных попытках дорваться до воздуха,

как он глотает вместо кислорода речную воду. Но вот лицо пропадает, и появляется та же кисть. С помощью нескольких рывков Серёга выталкивает правую руку на поверхность почти по локоть. Скорее всего, высунуть дальше не позволяет куртка. Он пытается согнуть руку в локте, но ему мешает кромка лунки. Я не знаю, на что он рассчитывает. Возможно, он хочет кулаком проломить лёд снаружи или использовать руку как рычаг, чтобы заставить толщу треснуть. На деле же он лишь несколько раз слабо дёргает окоченевшей рукой, после чего она замирает. Серёга застрял. Я представляю, как долго эта туша будет стоять тут на якоре, пока лёд не начнет таять, и поток воды не сможет унести Серёгу дальше по течению. Конечно, рука – это метка пооригинальнее флажка или палочки, но думаю, рыбаки не оценят. Поэтому речке надо помочь. Всё это время я смотрю на Серёгину кисть, смотрю, как замирают последние подергивания пальцев, и только сейчас замечаю обручальное кольцо – неотъемлемый атрибут социально приемлемой жизни человека, чей возраст едва перевалил за двадцать. Отсутствие этой железяки у зрелого мужчины – ещё один повод для подозрения у твоего собеседника. То ли бабник, то ли импотент, а может и гей, но явно не здоровый остепенившийся мужик. Причём при выборе кольца лучше не выпендриваться, а взять как у всех – тонкое, гладкое, скруглённое. Именно такое и врежется в пухлую волосатую фалангу Серёгиного пальца. Я сажусь над ней на корточки, обхватываю окоченевшее предплечье дву-

мя руками и налегаю на синюшную культю так, что кулак Серёги почти упирается мне в грудь. Я делаю три сильных рывка, но конечность отказывается проваливаться. Тогда я решаю перехватиться, отпускаю культю и пытаюсь встать, но что-то мне мешает. Это Серёгина рука, крепко сжимающая воротник моего пальто. В эту же секунду она срывается вниз, утягивая меня за собой.

– Ты чё завис, компуктер? – именно этой фразой, теребя меня за ворот, Серёга выдернул меня из мира фантазий. Мы так и стояли посередине реки.

– Олька? – я киваю на кольцо.

– Чё? – Серёга недоуменно оглядывает свою руку. – А-а-а... Ды какая Олька, блин. Ксюха. Может, помнишь... Да, неважно, – он отмахивается, смотря в сторону парка.

Я киваю. Зря я решил поддержать беседу, затронув прошлое. Не хватало ещё начать вспоминать яркие моменты юности и грустно выдавливать из себя смешки. Я вижу, как Серёга усердно пытается найти тему для разговора, и чем больше затягивается пауза, тем быстрее растёт напряжение. Я уже ощущаю его физически, хотя прошло каких-то три секунды. Самое время разрядить обстановку.

– Я думаю, центр реки весной – не лучшее место для длительных бесед, – заключаю я.

– Стопудова! – смеётся Серый, как мне кажется, с облегчением. – Ты тут надолго ваще?

– Уже иду на автобус, может, успею заглянуть к родне.

– А-а-а... Ну бывай, братан. Родне привет. Ты пиши-звони если чё, не пропадай! Я за любой кипиш, ну ты знаешь.

Я киваю. Мы крепко жмём друг другу руки и расходимся совершенно незнакомыми людьми. Скорее всего, Серёга оглядывается, я же предпочитаю избежать подобных проявлений недосказанных мыслей и незаданных вопросов. Я добираюсь до берега, потом до бетонной лестницы, взбегаю по тропинке и направляюсь к вокзалу. Достав телефон, понимаю, что к родне уже не успеваю. Встреча с Серёгой лишила меня мук – неловких затянутых прощаний с домашними. Я

набираю дядю.

– Лодочная станция на проводе, – выдаёт своё козырное приветствие дядя.

– Дядь Вадь, я не успеваю зайти, – громче обычного говорю я, перекрикивая собак.

– В смысле? А чё так? – голос дяди кажется натурально озабоченным.

Лепить обычные отговорки про спонтанно появившиеся срочные дела я не хочу.

– Автобус уезжает через 10 минут, а следующий только вечером.

– Вон оно чё. Ну так мы же не гоним, хоть до ночи сиди.

– Спасибо дядь, но я сейчас поеду.

– Ну, хозяин – барин, чё... Забеги хоть, вон, конфеты возьми.

– Не успеваю никак.

– Ну ладно, чё уж тогда, езжай.

– Ага...

– А ты это... Самое... Приезжай ещё что ли, посидим, перетрём.

Я принципиально не хочу подыгрывать дяде, закидывая его псевдодружелюбными лживыми обещаниями. К счастью, отвечать мне не приходится: в трубке слышатся дребезжащие звуки стука в стекло и дядин очнувшийся голос:

– О-о-о, Колян пришёл. Колян, я ща открою, погоди, – дядины тапки шлёпают по деревянному полу. – Ну ты подумай,

в общем, короче, звони, приезжай. Удачной дороги тебе.

– Пока дядь Вадь.

– Ага, покеда.

Я ещё три секунды слышу шлепки тапок, скрип двери и приветственные крики, после чего завершаю разговор нажатием на красную кнопку.

ПАЗик оказался холодным, что вкупе с промокшими ботинками гарантирует мне простуду. От всех воспоминаний сегодняшнего дня хочется избавиться: соскрести их шпателем, словно старую облупившуюся краску с забора. Я при-

ехал из-за смерти бабки, а в итоге похоронил друга. Обычно принято закрывать глаза на угасание товарища, предпочитая натягивать на его обрюзгшую рожу образ двадцатилетней давности. Но как разглядеть в этой пузатой туше того живого ребёнка, встающего на козла на старом велосипеде, прыгающего с моста в воду или воруящего соседские яблоки? Никак. Того Серёги больше нет. Последний раз я видел его на остановке в обнимку с Ольгой, когда они проводили меня на стажировку в иногородней фирме. Как оказалось, навсегда. Теперь-то и того «меня» больше нет. Тот «я» медленно удалялся на ПАЗике в чужой город, впоследствии ставший родным.

Поезд Москва – Нью-Йорк

Оганес Мартиросян

Иллюстрация Александры Давидович

24 марта 2010 года Стася вывесила фото, где она сидела на стуле и у неё немного были видны трусики. Он зашёл на её страницу и всё увидел. Ему стало стыдно за неё. Он сразу же ей написал: «Стася, у тебя вишенку видно». Через полчаса его телефон пропиликал. Пришло сообщение. От неё. «Не смотри, – писала она. – Это фото для моего парня». Её

месседж его озадачил. «У тебя есть парень?» – «Да, и мы скоро поженимся». Он, сидя у себя в комнате на диване, сунул в рот себе палец и задумался. Эта девушка ему нравилась. Он её случайно нашёл в сети. Его сразу поразила чистота её взгляда, развратность, скрытая в нём, и её округлые бедра. Завязалось общение. Статус её гласил: «Кто хочет погулять со мной под дождем?». Он хотел. Он желал. А теперь вот такое. У неё есть парень. Как она могла. Так внезапно. Так остро. Он вышел на балкон покурить. Поразмыслить об этом. «Сам виноват, – говорил себе он. – Надо было сразу брать быка за рога. Пригласить её на свидание. Гулять под дождем, градом, снегом, звездопадом и камнепадом. Но я протупил. Звонил, говорил ерунду. Вот и теперь расплата». Ему было стыдно, что он мужчина, а хочет делать этой девушке только одно: куннилингус. Можно при её друзьях и подругах, лишь бы она была счастлива. Пахла, цвела и текла. «Надо гнать подобные мысли: не по-мужски». Он выбросил сигарету, вспугнувшую голубей, сидящих внизу и клюющих семена и память Есенина о юности и девушках из неё. В этот момент зазвонил телефон. Это была она.

– Привет, – зазвучал её голос. – Слушай, я не отвлекла тебя?

– Нет, что ты, я только что накинул на шею свою петлю, чтобы они целовались и шептали друг другу самые последние новости с Уолл-стрит и рынков в Махачкале.

– Я вот что. Я и мой парень собираемся на Кавказ. В горы.

У тебя нет, случайно, палатки?

– Была, но мыши проели в ней дыры, в которые я просеиваю муку и смотрю телевидение Грузии, идущее на меня войной, радостью, гневом и толпой людей, требующих бесплатной раздачи хлеба и музыки Баха.

– Ха-ха. Мы будем заниматься любовью, то есть чихать, кашлять, играть в казаки-разбойники и рассовывать по карманам субстанции, абстракции и бытие.

– Да ну, ты забыла сказать, что ты просто малышка, левый глаз которой солнце, а правый – луна.

– Не уходи от ответа.

– Я не дам палатку.

– Я верну её, как невинность в 73 года.

– Не надо.

– Тогда пока.

Разговор прекратился, он зашёл в комнату, бросил смартфон на кровать и начал лихорадочно одеваться, чтобы пойти на улицу, развеяться и забыться. «Да плевать на неё, найду себе Оксану, Монику, Изабеллу, пойду кутить и гулять, лить вино, вгрызаться в гранит, извергать фонтаны, наслаждаться осколками льда, торчащими изо рта человека, тающими весной и падающими с высоты Ниагарского водопада». Во дворе у него сразу же стрельнули сигарету, спросили про Нахиджеван и Абхазию и угостили видом на женскую задницу, шагающую в 3D.

– Мужчина, вы не меня ищете?

Он так и не понял того, кто его спросил, хоть и огляделся кругом, а потому зашагал быстрым шагом к универсаму и последнему желанию Матисса. Долго ходил вдоль рядов, выбирал пиво, взял в результате крепкое, накидал чипсов в корзину и устремился к кассе, к выходу, к узнаванию, к радости и к воплям котов и псов, заполняющим изнутри звезды и заставляющим их содрогаться, сырой пожирая мрак. «Офигеть, так и умру, растасканный на цитаты, на соломинки, которыми ковырялась в зубах Лиля Брик, плюя на каждую страницу Маяковского, заворачивая её и отправляя в историю». Он сел на лавке, открыл зажигалкой пиво, закурил, начал пить, но ему помешала девушка, похожая на неё. Она проходила мимо и решила присесть рядом с ним.

– У вас зажигалки не будет?

Он протянул её ей.

– Не подумайте ничего плохого, но у меня сломалась стиральная машина, вылетела пломба из зуба и прокладка наполнилась плачем ребенка и старика.

– Да ничего.

Девушка закурила и выпустила из ноздрей стаю сизокрылых голубей. Те устремились в небо и превратились в завод имени Орджоникидзе, обещающий дожди из электроприборов.

– Я никогда не знакомаюсь с мужчинами.

– Я вам верю.

– Насколько?

– В той степени, в какой Малевич рисует закат.

– Хорошо. Я покурю и уйду.

– Можете не спешить.

– Нет, а иначе вы обо мне плохо будете думать. Что я падшая, я желанная, чистая, непорочная, августовская, ранняя.

Девушка достала из сумочки банку пива, открыла её и начала пить. Он пригляделся к ней. Разноцветные волосы. Украинские глаза. Польский нос. Русские брови. «Хороша. Осталось её поперчить, обмазать сметаной и засунуть в духовку».

– Вы думаете?

– Нет, выращиваю укроп в своей голове.

– Я вам нравлюсь? – она скосила глаза на него и прищурилась.

– Вы внезапны. Так за июнем идёт июль.

– Похожа на дурочку из заграничного фильма?

– Нет, просто я вспомнил девушку в зелёных штанах. Я был тогда мальчиком. Она просто стояла, а я проходил.

– В этом трагедия жизни: женщины стоят, мужчины проходят. Женщины – земля, мужчины – дожди.

– Вы выпитываете наше семя?

– Ага. Порождая великанов, покемонов, австралопитеков, банки, семя, вагины и фонтаны, бьющие из них, в которых купаются дети.

Он немного отсел от неё, потому что почувствовал жар, некое желание, лёгкую эрекцию и Непобедимую армаду,

плывущую в его желудок и утопающую в нём.

– Я вас пугаю?

– Нет, я, пожалуй, пойду.

– Вы не допили пиво.

– По дороге допью.

– До свидания!

– Чао.

Он шёл и старился на ходу, терялся, обгладывался встречным ветром, таял сигаретой, торчащей у него изо рта, и сгорал, как Судан. Вдруг он застыл. Навстречу ему шла она. Под руку с парнем. «Ну и дела, это она нарочно, она просчитала все мои шаги, все мои ходы, все мои обороты, все мои телодвижения и мысли. Но как? Откуда она здесь? Ведь живёт в другом месте, сама говорила. Видимо, её парень живёт поблизости? Не иначе, никак». Они поравнялись, она хотела пройти мимо, опустив глаза, но он схватил её за руку.

– Привет. Ты куда?

– Ой, я тебя не заметила.

– Эй, чувак, да ты кто? – парень надвинулся на него.

– Я твой парень.

– Не понял. Я что, девчонка?

– Парни, не ссорьтесь.

– Пойдём со мной, – он схватил её за руку.

– Я не могу.

– У меня дома есть диск, на котором Кобейн превращается в бутылку водки и скачет по прерии, убегая от ковбоев,

желающих её выпить и стать идолами рок-музыки.

– Я смотрю, я здесь лишний, я бы набил тебе морду, но у меня принцип: бить только тех, кто сильнее. А ты меньше меня и слабей. Я ухожу, – парень плюнул, вскочил на спину пробегающего мимо Гогена и исчез, превратившись в стих Вознесенского о художнике.

– Вот мы и вместе, – он взял её за руку и повёл за собой, чувствуя небольшое сопротивление с её стороны, тающее, как соль, сода и йод в кипячёной воде.

– Только не приставай ко мне и не натирай мне уши силикатными кирпичами! Достали! – она топнула ножкой. – Все мои парни часами натирали мне уши силикатными кирпичами. А я их терпеть не могу. Не для этого красила волосы и пряталась в кустах, заведя гиен, Эйнштейна, львов, медведей и тигров, бегущих ко мне.

– Что ты, я буду держать тебя за руку и гадать по ладони, лодочке, шлюпке, уплывающей от Титаника.

– Ну конечно, ты ещё расскажи, как армяне украли лаваш у слонов, скопировав у них уши. Если бы слоны были помелочней и умней, давно бы подали в суд.

– А я люблю заворачивать в ухо слона зелень, сыр, бастурму и есть, пока тот корчится от боли и кричит, просит его простить и помиловать.

– За что простить?

– Ну, как? За то, что он мясо.

– Ясно. Ты куда меня ведешь?

– В свой гараж.

– Зачем это?

– Там есть куча металлолома. На ней мы можем расположиться с комфортом и предаться соитию.

– Вот как? А я согласна?

– Конечно. Тебе в спину будет упираться багетка, а ногу царапать дырна.

– Повизгивая при этом?

– Выкрикивая тезисы и лозунги Томаса Мюнцера.

– Ох, ну веди.

Они прошли тропами, минуя кусты и деревья, и углубились в длинный ряд гаражей, дошли до одного из них, который он открыл, и устроились на диване, расположенном в нём.

– Тут есть погреб?

– Да, и в нём есть вино. Будешь?

– Совсем чуть-чуть.

Спустившись вниз, он извлёк наружу бутылку домашнего клубничного вина, вскрыл её и протянул ей.

– Хорошо. Я выпью, но при условии, что через десять минут ты будешь стоять передо мной на коленях и вылизывать мои пунцовые губы.

– Зачем это?

– В знак преданности мне. В знак того, что ты мой танк, в котором я еду по палестинским пескам и стреляю в хибару, где от меня прячется Бродский, живущий в ней со своим

престарелым Советским Союзом, кормя его с ложки и убирая за ним дерьмо.

– Интересно, как поменялись времена, в то время, как я грежу гаремом в своей голове, ты берёшь её, отделяешь от туловища, привязываешь к верёвке и выгуливаешь в вечернем небе, пока она подрагивает и стремится в него навсегда.

– Тогда я не буду пить.

– Ладно, уговорила.

– Ну, садись тогда рядом и рассказывай о том, как ты любишь меня.

– Вешать лапшу тебе на уши?

– Именно.

Он присел рядом с ней, начал разговор, потягивая время от времени пиво, пока она пила вино и краснела.

– Когда начнешь целовать? – она слегка раздвинула ноги.

– Об этом должен просить мужчина. Это не должна предлагать девушка.

– Я хочу твоего унижения. Рабства.

– Ладно, через трусы.

– Сначала через трусы, потом отодвинешь их в сторону и слижешь нектар с цветка.

Она ещё сильнее раздвинула и прижала к своей промежности его склонившуюся голову.

– Нюхай.

– Я задохнусь.

– Нравится запах вульвы?

– Будто персик в соку.

– Именно. Поцелуй.

Он отодвинул в сторону белую и тонкую материю и прижался губами к губам.

– Хорошо. Не так, как хотелось бы, не нос и язык в моей попе, но тоже сойдет. Отойди.

Он присел рядом с ней, а она продолжила пить вино. Так прошло полчаса, на улице немного стемнело, машины зажгли фары, а астраханские арбузы налились кровью юных девственниц.

– Так, уже поздно, – встала она.

– И?

– И? Мне пора.

– Но у нас ещё не было секса.

– Он у тебя будет с моей вагиной, которую я вырежу и оставлю тебе.

– Фу.

– Ты оплодотворишь её и бросишь бродячим псам.

– Лучше я пожарю её и съем.

– Можно и так. Ладно, пока. А, чуть не забыла, ты кто?

– В смысле?

– Ты фильм «Я шагаю по Москве» или «Москва слезам не верит»?

– Первый, само собою.

– Именно. Потому я и не с тобой.

Она ушла, а он вышел на улицу, закрыл глаза, чтобы че-

рез секунду открыть их и увидеть вереницу верблюдов с сидящими на них богатыми арабскими купцами, входящими в арку, сделанную в виде игольного ушка.

– Свершилось. Именно так будет зашита Чёрная дыра, зияющая в центре учения Иисуса Христа, прожившего 33 световых года и распятого на кресте, который он носил на груди.

Сказка про шамана и море

Ада Дакар

Иллюстрация Натальи Коваленко

Для Тамерлана.

Ясень хочет рассказать тебе о том, что на самом деле нет богов и религий, но всё есть Ясень, и потому они несомненно и истинно существуют. Каждый из нас, когда-либо живших, просто листочек этого бесконечного дерева, а оно про-

должает и продолжает расти.

У листочка своя жизнь, свой мир и свои отношения с миром, и он даже не знает, частью чего он является. Даже глупый бог, который девять дней и ночей висел на ветвях Ясения, чтобы обрести знание, не понимал, что он – тоже всего лишь лист, дрожащий на ветру.

Дело было в рыбацкой деревушке, одной из тысяч затерянных на берегу холодного моря, прячущейся в скалах от пронизывающего северного ветра, который гуляет в тех краях.

Море там – хтонический родитель, который лечит, калечит, кормит и сурово наказывает за малейшую провинность. Это родитель любящий, но безжалостно снимающий кожу с твоей спины, как только ты не соответствуешь его ожиданиям, или не имеешь, по его мнению, достаточной силы, чтобы быть чего-то там достойным.

Взрослеют рядом с северным морем тоже очень рано. Счастливы дети южных морей, где щедрое солнце дарит земле плодородие, а морю – спокойствие. Выросшие на этой солнечной любви дети уверены в себе и спокойны, им не нужно постоянно выживать.

Море для них – неисчерпаемая ласковая тайна, мать-сказочница, качающая колыбель нежно и чуть дольше положенного срока.

В той деревушке, о которой я говорила в самом начале, жил-был мальчик Тай. Мать его была красивой, хоть и рано

постаревшей женщиной. Мужа её забрало море много зим назад, и с тех пор она выходила на рыбалку сама, наравне с мужчинами. С самого детства Тай помогал матери потрошить добытую ей рыбу, вести немудрёное хозяйство, чинить прохудившиеся сети.

А сказка началось с того, что в свою двенадцатую зиму Тай начал слышать голоса, когда долго смотрел на воду или в огонь. Они приходили издалека, шептали что-то неразборчивое, и он всё пристальнее всматривался в стихии, и начал отчётливо слышать и видеть то, чего не слышали и не видели другие.

В такие дни Таю казалось, что между ним и остальными жителями деревни гуляет ветер, и потому мальчик не вполне понимает, что говорят они, а они не слышат его, как бы он ни старался быть услышанным.

Эти горькие догадки подтверждались тем, что даже мать Тая, слушая его рассказы о голосах и видениях, либо смотрела на него со смесью усталости, равнодушия и жалости, либо просто отмахивалась. Он не сердился на неё, понимал, что после смерти мужа ей живётся далеко не радостно.

Лёгкое ли дело бабе одной, совсем по-взрослому думал Тай, провожая её в море. Женщины, остающиеся на берегу дожидаться кормильцев, жалели его, норовили погладить по голове.

Он избегал чужой ласки, стыдился, боясь, что о его матери подумают дурно, убегал... А по вечерам возвращался к

мору, чтобы смотреть на бесконечную гладь солёной воды, и видеть, что ждёт впереди: много ли будет рыбы, да когда кто померет, а кто поправится, и родит ли земля, трудно вспаханная, слабо держащаяся на теле гор. В своих предвидениях Тай никогда не ошибался.

Детства у него не было. Была работа и хлопоты, а другие дети, глядя на трудную жизнь Тая, не очень-то хотели с ним играть, чаще дразнились и называли морским подкидышем. Отца его они не помнили, а поскольку мальчик рос угрюмым и нелюдимым, откуда-то взялась история, что мать нашла его на берегу моря да и оставила себе.

Что не было у неё никакого мужа, погибшего в злых волнах, и потому так странно смотрят на неё иногда старухи, и поэтому молчит она в те дни, когда вся деревня собирается в большом общинном доме. Знай себе прядёт да смотрит исподлобья, и взгляд у неё тяжёлый и неподвижный.

Тай, когда слышал такое, других детей крепко бил, а чаще сам ходил побитый, но всегда молчал, не жаловался.

Одинокو засыпая в холодном, ветхом домике, он слушал ветер, поющий в щелях разохшихся стен, и представлял, как вырастет большим, сильным, и матери не нужно будет ходить в море, и будет у неё тёплый меховой плащ, как у жены деревенского старосты. А ещё он подарит ей красивые бусы цвета морской воды и выстроит новый дом, большой и светлый. Тогда никто не посмеет косо на неё смотреть.

Так шло время, Тай рос, и когда ему исполнилось двена-

дцать лет, голоса, которые он услышал в огне печи, нашептали ему, что в этот раз его мать не вернётся из моря. Он просил её остаться дома, плакал, но она привычно отмахнулась от него.

Ушла и не вернулась.

Таю снился сон, как плывет по тёмной воде её утлая лодочка, и как накрывает её огромной волной. Он отчаянно звал мать, но ветер уносил его голос куда-то в ущелья, рассеивал, и тот звучал всё слабее и слабее.

Утром Тай пошёл на берег и спросил у моря: «Почему ты забираешь всех, кто мне дорог, и как мне вернуть их назад?»

Море ответило: «Маленький, глупый сын. Твои видения ограничены миром, который ты знаешь, и этот твой мир размером не превышает самый маленький планктон в моих глубинах. Для тебя я – нечто бескрайнее, а ведь даже у меня есть пределы, и ты никогда не думал, что за ними. Ты никогда не допускал даже тени сомнений в том, что те, кто не вернулись – погибли.

Думал ли ты, маленький Тай, что на противоположном моём берегу есть другая жизнь, большая и сытая? Знал ли ты, что некоторые из ушедших просто хотели увидеть больше, чем серые скалы и деревню, живущую один и тот же день по кругу?»

Тогда Тай сказал: «Мне неинтересно, куда ушли другие, я хочу знать, почему не вернулась моя мать».

Море всколыхнулось, смеясь: «А ты сыграй мне тех песен,

что развеселят моё сердце, тогда я расскажу тебе всё, что следует знать».

И замолчало.

В большой скорби Тай поднялся на скалу и, пользуясь своим даром, уговорил молоденький яшень поделиться с ним сильной и прочной веткой. Из неё он вырезал пастушью свирель и стал учиться играть.

Долгие часы он проводил у моря, и мелодии его становились всё более умелыми. Его сковывала странная, безучастная печаль, бесконечно тянуло к воде, которую он любил и ненавидел. И оттого пела его свирель то о днях полного штиля, когда так хорошо смотреть на море, простирающееся до самого горизонта, то о страшных бурях и погибших кораблях.

Говорят, что матросы с тех кораблей иногда сходят на берег и пьют в портовых тавернах, будто обычные люди. Они веселятся, танцуют и угощают всех подряд, а потом уводят с собой самых красивых девушек, и те исчезают бесследно, а через девять месяцев на берегу моря появляются дети. Их охотно, хоть и со страхом, принимают в семьи. Считается, что эти морские дети приносят под кров приютивших их невиданную удачу.

Свирель пела и пела, и море шипело в такт, но не спешило открывать ему своих тайн.

Так они и проводили время вдвоём: мальчик, который не знал своей дороги, и море, сделавшее его сиротой.

Таю исполнилось пятнадцать лет. К тому времени он уже понял, кто он, и почему видит мир так, как его не видят другие. Он сам начал ходить в море, и его улов обычно был самым большим в деревне.

Закидывая в воду сети, он тихо шептал, призывая рыб, которые после своей смерти перерождаются, чтобы подарить жизнь людям и их детенышам, которые потом начнут уничтожать этот прекрасный и хрупкий мир.

С любовью и благодарностью шамана, постигающего сразу прошлое, настоящее и будущее, он терпеливо делал то, что был должен: забирал жизнь у рыб, чтобы продлить её человеку.

Проживая последние годы, как человек, идущий в бесконечном тумане самому себе навстречу, он часто думал о том, что однажды переправится через море и посмотрит своими глазами, куда уходят люди, которые не вернулись домой. Но что-то держало его, заставляя жить на родном берегу отшельником, без семьи и близких друзей.

Правда, старейшины деревни что-то сказали всем жителям, и Тай стал находить на своём крыльце корзины с едой, а при встрече с ним все здоровались. Сторонились, но уважали.

Однажды голоса рассказали Таю, что к берегу причалит

красивый, но злой корабль, и ярость бездомных грабителей, которые ходят на нём, обрушится на его родную деревню.

Он побежал и рассказывал всем, кого видел, что приближается опасность. Некоторые люди верили ему. Но что они могли сделать? Воинов среди них не было.

Однако же мужественные жители собрались на берегу, взяв с собой всё своё нехитрое оружие, готовые защищать свой дом до последнего и, если придётся погибнуть, то прихватить с собой хотя бы часть пришельцев.

Простые люди, которые живут рядом с холодным морем, нередко являют собой воплощение мужества. Ветер доносил до меня рассказ о жителях северного города, которые почти тысячу дней провели в осаде и не сдались ни холодам, ни голоду, ни стаям чёрных птиц, затянувшим небо, насколько хватало взгляда...

Когда чёрный корабль, рассекая носом волны, летел к берегу, люди, готовые умереть, увидели, как в воду бесстрашно идёт играющий на свирели Тай.

Песня его была сокрушительна. Ревели в ней волны и плакали женщины, чьи мужья не вернулись из моря, и звенели друг об друга пивные кружки в старой таверне. Скрипела палуба под невыносимо тяжёлыми шагами проклятого капитана, чей корабль никогда не сможет найти себе причал, и слышался смех странника-Одиссея, который сошёл с ума, но не признаётся себе в этом. Звучал плач мальчика, оставленного матерью, любящего, зовущего, страдающего. И вторил

ему плач матери, которая вынесла на своих плечах всю тяжесть женской судьбы, но не смогла справиться со смертью и оставила сына в одиночестве. И другой матери, которая не совладала с собой и несчастная, разбитая, оставила своё дитя в поисках лучшей доли. Страшен был голос её неумолкающей совести. Свирель поёт, и танцует шаман, нашедший в себе силы признать, что цена его силы – смирение с несовершенством человечества и готовность служить этим людям, таким, какие они есть, потому что между ними и кораблём стоит лишь он один.

Он играл, и море расступалось перед ним. Он играл, и море кружилось в страшной воронке, жадно пожирая тех, кто пришёл в чужой дом не с миром. Море смеялось ему в ответ: «Наконец-то ты понял! Наконец-то ты слышишь мой голос!..»

Люди, стоявшие на берегу, рассказывали потом, что когда чужой корабль пошёл ко дну, и песня Тая оборвалась, море сразу успокоилось, а сам он ушёл по воде, не оглядываясь в их сторону.

Клетка

Михаил Рощин

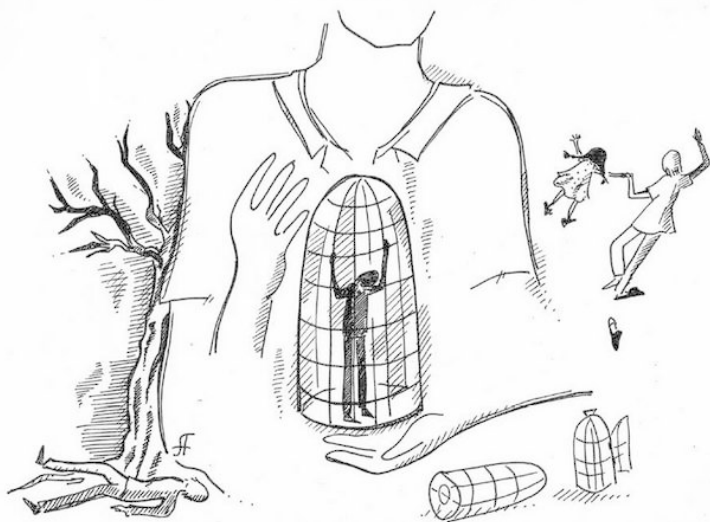

Иллюстрация Лены Солнцевой

Я помахал Лизоньке рукой и уселся в кресло у стены. Она замахала мне в ответ. Настойчиво и демонстративно, с широкой улыбкой без передних зубов – молочные выпали, коренные ещё не появились. Так, как и должно быть в шесть лет. Подбежала поближе.

– Привет, Вадим!

– Привет, Лизонька. Где пропадала?

Девочка опустила руки, завела их за спину и начала рассказываться взад-вперёд, задрав голову в потолок. Что там было интересного, я никак не мог понять. Она же часто так делала, будто искала ответы. Вполне в духе маленьких девочек. В очередной раз найдя нужный, опять широко улыбнулась и выпалила:

– Мне делали про-це-ду-ры!

Это сложное слово для шестилетней озорницы, но она честно его запомнила и воспроизвела. Потом плюхнулась на соседнее кресло и начала водить пальцем по подлокотнику, выводя на гладком дерматине какой-то рисунок.

– А тебе их делают? – спросила она.

Всё-таки пока избегает сложных слов. Я покачал головой.

– Нет. Пока просто лежу. За мной наблюдают.

Она сделала удивлённое лицо, пожала плечами.

– Я думала, здесь всем делают. Мне они не нравятся.

– Мне тоже. Но так положено, мы ведь в больнице.

Она оторвалась от своего рисования.

– А сколько тебе лет?

– Недавно исполнилось восемнадцать.

Лизонька сделала большие глаза.

– Ух ты! Так много?

Начала загибать пальцы. Сначала на правой руке, потом на левой, бормоча себе под нос: «один... два... три...» Ко-

гда пальцы закончились, она посмотрела на сжатые кулаки, потом на меня.

– Это очень много! – выдала она.

Я улыбнулся.

– Да, немало. Это как твои шесть, но в три раза больше.

Она опять задумалась, вперившись в белый больничный потолок. Плафоны светильников давали мягкий свет, в коридоре было светло и спокойно.

– А как ты сюда попал?

Лизонька была любопытной. Я уже рассказывал ей о прошлом, но всё повторялось из раза в раз. Заново.

* * *

Я сам постоянно восстанавливал в голове события, которые ещё помнил.

Обычный летний вечер для вчерашнего школьника, а ныне первокурсника. Встретился с парой друзей, и отправились в «Клетку». Так называли уличную дискотеку в парке. Большая круглая бетонированная площадка, окружённая по периметру высоким забором. Внутри – свет, музыка и люди. Веселье, танцы, новые знакомства. А вокруг – тёмный парк с перегоревшими фонарями, тёмными компаниями и теми несчастными, которым не хватило денег на билет внутрь «Клетки».

Они скапливались небольшими стайками, распивали де-

шëвый разбавленный водой спирт сомнительного качества, потом наскребали всё, что было в карманах, и пытались проникнуть внутрь. Билетов не хватало на всех – менялись. Вышел один, взял контрамарку, отдал следующему счастливицу. Так все по очереди могли попасть внутрь, с кем-то увидеться, познакомиться и потанцевать.

И вот настала моя очередь. Я вошёл, оставив друзей снаружи. Они наверняка будут пялиться сквозь ограду, передавая по кругу сигарету, и едко комментируя все мои действия. Мы всегда так делали, это было нормально.

«Во, смотри. Знакомится!.. Ха-ха, походу, отшила она его...»

Затяжка.

«Эта тоже наверняка откажет... Точно, глянь, пацаны...»

Глаза, не отрываясь, следят за движениями. Неуверенные попытки танца приносят свои плоды. Мой взгляд зацепляется за чужой. Симпатичная, весëлая. Улыбается, пристально смотрит в глаза, продолжая плавно покачивать бëдрами.

«Ух, смотри! Неужели зацепит!.. Да ладно, гоневов... Такие не знакомятся».

Оказалось, что бывает иначе. Один медляк, потом второй, и вот она предлагает пойти прогуляться.

«Фигасе! Вместе выходят... Кто следующий пойдёт? Сейчас медляк будет, кто рискнёт!»

Я отдаю контрамарку знакомому. Мы по ступенькам спускаемся от «Клетки». Прогулка по парку – это было бы хоро-

шее завершение вечера. Отличное знакомство, классная девушка. Интересно, позволит ли проводить?

Мы идём по аллее. Я знаю, что в дальнем конце будет выход из парка, но по пути придётся миновать несколько тёмных мест. Кирпичная подстанция, скрытая от прохожих кустами; общественные биотуалеты, которые работают лишь днём – по ночам весь парк превращается в отхожее место.

Вполне возможно, мы идём по направлению к её дому. А куда же ещё? Вряд ли сегодня случится ЭТО. Но просто закрепить отношения – это уже будет здорово!

Раздаётся треск кустов, и на дороге возникают силуэты. До фонаря ещё метров двадцать, световой круг захватывает мало что, а потому о количестве противников я могу только догадываться. О том, что они пришли по нашу душу, гадать не приходится.

– Слышь, есть закурить?

Стараюсь не сбавлять темп, подхватываю её под локоть и пытаюсь обойти преграду.

– Не курим.

«Стенка» смещается в сторону, и я почти натыкаюсь на соперника.

– Куда прёшь-то? Глаза разуй, дятел.

Толчок в грудь. Мне удаётся устоять на ногах. Моя спутница благополучно продолжает идти вперёд, минует световой круг и исчезает в темноте.

Движение сбоку – кто-то резко вскидывает руку, следом

за этим получаю удар по скуле. Жутко больно, щека начинает полыхать – будто под кожей разлили горячий жирный бульон. Печёт, кожа не выдерживает, потоком прорывается горячая кровь. Позже уже я узнаю, что скулу мне рассекла «печатка» на пальце.

Дальше помню смутно. Упал на землю, закрывал голову руками, но тяжёлым «Гриндерсам» это не помеха. Сломан нос, выбито три зуба, а оба глаза заплыли настолько, что перестали открываться. Кажется, кто-то шарит по моим карманам, потом тащат меня куда-то, но недолго, а потом оставляют, и шаги удаляются по асфальтовой дорожке.

* * *

Лизонька нахмурилась, смотрит на меня.

– А что такое грин-де-сы?

– «Гриндерсы». Это такие модные ботинки. Очень тяжёлые, с толстой подошвой. Неубиваемые.

Она засмеялась.

– Как мы?

Я подмигнул ей и улыбнулся. Она иногда подмечает вещи, до которых взрослым только предстоит додуматься.

– Точно.

– А что потом случилось?

Я пожал плечами, подразумевая очевидное: не «не знаю», а «как будто у меня были варианты».

– Попал сюда. Теперь лежу.

– Но про-це-дур тебе не делают.

Я кивнул.

– Так надо. Что могли, уже сделали. Теперь ждут резуль-
тата.

Она поёрзала на кресле, оперлась локтями о недавно из-
рисованный дерматин, подпёрла голову кулачками.

– Давай дальше рассказывай. Мне нравится история.

* * *

Я помню себя только здесь. Как лежал на постели и огля-
дывался по сторонам. Палата маленькая, двухместная, и ти-
шина. Сосед за ширмой лежит, сопит. Слышу, аппарат ря-
дом с ним плачет, другой – воздух качает, чтобы лёгкие ра-
ботали. У соседа врачи крутятся, а ко мне даже не подходит
никто.

Полежал я так немного. Голова замотана, трубка в гор-
ле торчит. Другая в носу, и по ней жижа какая-то розоватая
вытекает. Ноги на вытяжении, грузы вправляют поломанные
лодыжки. Руки-ноги работают, голова вроде тоже. Сколько
времени прошло – понять не могу, память начисто отшиб-
ло. Но ничего нигде не болит, всё функционирует. Решился
встать. Походил по палате, на соседа глянул тихонько сквозь
щёлочку.

А потом помню – очутился я опять в парке.

Сижу на лавочке и понимаю, что не просто так это. Вечер уже, люди кругом ходят. Постарше, помоложе, а всё мимо, будто и не замечают. А я знай себе сижу и по сторонам оглядываюсь.

В «Клетке» уже музыка играет, стробоскопы мерцают, люди потихоньку собираются.

А я сижу дальше, монетку в руках кручу. Большая попалась, с незнакомым рисунком. И откуда только взялась? Вроде не в ходу такие. А пальцы сами её перебирают. По костяшкам взад-вперёд гоняют, подбрасывают тихонько да ловят. Орёл-решка. И всё чаще орёл выпадает. Хорошо это, люблю, когда так выходит. Всегда орла выбираю. Орлы летают.

И нутром чувю, что жду чего-то. Скоро уже должно случиться, и чем оно ближе, тем быстрее я монету гоняю по пальцам. Взад-вперёд мелькает, как и люди перед лавочкой.

И кажется мне, что монета мягкой стала. Я пальцами её сжал, а она поддаётся. Как будто таять начала. Не должно так быть, металл – он жёсткий ведь, пальцами не согнёшь. А у меня получилось. Ощутил силу какую-то в руках, а потом и во всём теле – даже будто тесно стало. Кожа как чужая и лежит плохо, хочется сбросить. Воздуха не хватает, и кажется, что не было бы груза этой кожи, так и взлетел бы.

Пальцы сжал как следует – монета и согнулась пополам. Я такое про Петра Первого слышал, что он пятаки медные пальцами гнул, мол, силища была у него невозможная.

Я монету выпрямил, да легко так, играючи. Поднял каме-

шек с земли. Щебень средней фракции. Сжал в кулаке, он в труху и рассыпался.

И тогда мне эта мысль пришла, от которой я до сих пор никак отделаться не могу. Может, наше тело тоже как клетка? Живём мы в нём запертые всю жизнь, а способностей своих и не знаем. А попадаются иногда люди, которые ломают прутья клетки. И тогда хоть летай, хоть рельсы сгибай. Не было бы этой кожи тяжёлой, так хоть в космос можно улететь.

С такими мыслями я и не заметил, как стемнело. Аллея опустела, а я всё сижу и жду чего-то. Есть такое ощущение внутри, что знаешь – должно случиться. А что – загадка.

Смотрю, по аллее девушка идёт. Та самая, с которой я в «Клетке» познакомился. И не одна идёт, а с компанией. Ребята, трое. Все чуть постарше, лица серьёзные такие. Останавливаются возле лавочки моей, и начинают разговаривать. Будто меня и рядом нет.

– Ну давай, – говорит один. – Веди нового лоха. Штырь будет приглядывать. Мы тут встретим.

Так мне противно стало.

Девушка улыбнулась невесело, а потом говорит:

– Тот ведь в больницу попал, вы знаете? Весь город говорит.

– Не дрейфь, подруга. На нас не выйдут, это точно. Мы же его тогда за ограду оттащили. Менты глубоко копать не будут. Нашли под оградой, пьяный был, да и попал под раз-

дачу.

Она отмахнулась и вдруг меня заметила. Вслед за ней и вся троица повернулась.

– Что, братиш, проблемы? – спросил старший.

Не узнал меня. А девушка узнала, распахнула глаза, ладошкой рот прикрыла, чтобы не закричать.

– Это он, – только и смогла сказать.

Старший не понял, кто он. А другой пригляделся да и говорит:

– Это ж мы его отмудохали в прошлый раз.

Старший подошёл ближе.

– Валил бы ты отсюда, фраерок.

Злобно так сказал, на выдохе. С хрипотцой, с угрозой, кулаки сжал.

А я не хотел уходить. Сам бы я ни за что не решился выйти из клетки своего тела, даже если бы был уверен, что всё получится. А эти трое помогли, всё как надо сделали. Теперь нужно их отблагодарить.

Я взял его рукой за лицо и чуть сжал пальцы. Короткий крик ударил мне в ладонь и затих. Кости сухо хрустнули, я почувствовал, как под давлением лопнул его мозг. Несчастный успел только ухватиться за мои пальцы, но руки его тут же обмякли.

Другой пытался помочь, я ткнул его в грудь. Рёбра треснули, проткнули лёгкие, и он быстро захлебнулся своей кровью. Третий, попытался убежать, в своих тяжёлых «Гриндер-

сах». Но, видно, от ужаса, ноги его отказали. Он стал ползти. Я наступил ему на обе лодыжки, они захрустели и стали безвольными кульями. Та же участь постигла его руки и позвоночник.

Я обернулся. Девушка стояла посреди дорожки, в оцепенении и совершенно седая.

* * *

– Хотя, наверное, тебе ещё рано слушать такие истории. Лизонька насупилась.

– Ты не смотри, что я маленькая. Я ведь понимаю, что мы уже не вернёмся. Так что не страшно.

Я кивнул. Ей тоже ничего не угрожало.

В палате аппарат жизнедеятельности «качал» моё уже мёртвое, спрятанное за ширмой разбитое тело. «Травмы, несовместимые с жизнью» – так будет написано в заключении судебно-медицинского эксперта.

Зато познакомился с Лизонькой. Она с детства на диализе, и уже несколько дней в коме. Терминальная почечная недостаточность.

Подожду её здесь, а потом отправимся дальше. Летать вместе – оно всегда веселее.

За мужем

Алла Войская

Иллюстрации Марии Давидович

Мы ехали к Васиному двоюродному брату на шашлыки – это была своеобразная инициация. Я уже познакомилась с его родителями, с тётёй, с сестрой, теперь вот брат – меня постепенно принимали в семью.

Воскресный вагон метро был полупустым, но мы всё равно сели в углу, чтобы побыть вдвоем. Вася всё пытался уку-

сидеть за ухом, но я, смеясь, уворачивалась и пряталась у него на груди.

– Вообще-то вампиры кусают за шею, а когда покушаешься на другие части тела, то это уже каннибализм!

– А я чуть-чуть! Это же не считается? Нельзя же быть чуть-чуть каннибалом? – он поцеловал меня в мочку уха, и я громко засмеялась.

– This is Sokol... Осторожно, двери закрываются, следующая станция...

В вагон вбежал косматый мужчина с репейником в волосах – оборки его плаща застряли в закрывшихся дверях. Он недовольно бормотал, пытаясь вырвать застрявший кусок плаща. Двери снова раскрылись – он поправил на себе плащ и прошёл к центру вагона, чтобы осмотреться. Поезд тронулся. Меня терзали смутные подозрения, что он сядет прямо напротив. Так и вышло.

Мужчина раскладывал по всему сиденью ашановские пакеты с тряпками, смотря в нашу сторону из-под заплывших век. Я положила голову Васе на плечо и закрыла глаза. Не провоцировать, не реагировать, не подавать виду.

– Слышь, это «Беломорская»?

Я открыла глаза. Бомж выжидающе смотрел на Васю, который крепко держал меня за плечо.

– Нет, ещё станций пять или четыре, – спокойно ответил он.

– Спасибо... Ну, разбуди, как на «Беломорскую» прие-

дем, – бомж смахнул на пол пакеты и лег на сиденье.

– Мы вообще-то до «Речного» едем и только следующая – «Беломорская».

– А... Да? Ладно. Прости... – бомж приподнялся на сидении и виновато посмотрел на свои тряпки. – Это... А ты где служил?

– Да нигде, военка в универе только.

– А. Извини... – бомж снова разложил вокруг себя пакеты, валявшиеся на полу – сквозь прозрачный полиэтилен виднелись разноцветные лоскуты. – Девушка у тебя красивая. Долгих лет жизни и шестерых детей! – он лег прямо на пакеты и закрыл лицо плащом.

– Шестерых? А не много ли? – я опустила Васину руку со своего плеча и начала водить пальцами по его ладони. – У тебя такая длинная линия жизни... А шестеро детей тебе её порядком сократят.

– Вообще-то говорят, что дети – цветы жизни. Потом, правда, добавляют, что на могиле родителей, – мы засмеялись. – Двое, не больше – мы же всё-таки современные люди. Мальчика и девочку. Но первого мальчика, конечно, – наследника.

– Как получится! Это в игре Sims, чтобы родился мальчик нужно есть побольше яблок, а в жизни с этим сложнее...

Бомж напротив давно спал среди ашановских пакетов, и мы вышли на нужной станции.

У Васиного брата был алабай по кличке Бомбер. Бомбер сидел у самого забора на цепи, в вольере, огороженном сеткой. И стоило кому-то пройти мимо, как Бомбер бросался на сетку, вцепляясь зубами в проволоку.

– Слушай, а это нормально вообще – всегда держать собаку на цепи? Ему же свободы хочется, по участку там погулять или в дом зайти.

– А ты посмотри на него, вон, какие клыки, – Вася вплотную подошёл к забору, и я инстинктивно сжала его руку, – я бы тоже побоялся держать такого на воле.

Вася нажал на дверной звонок – раздалась противная трель расстроенного колокольчика. Со двора шёл запах дыма и жареного мяса.

– Сейчас открою, уже на подходе! – у забора появился Васин брат Никита. Бомбер завизжал, совсем не по-собачьи, и бросился к нему через сетку. – Ну, что ты, мальчик, ну, что ты... А ну, сидеть, сидеть! – Никита вынул руку из кармана треников с двумя полосками и строго указал на пса пальцем. Бомбер послушно сел, растаскивая песок виляющим хвостом.

Никита открыл ворота, и мы прошли по мощёной дорожке на участок с аккуратным искусственным газоном, прудиком с невысокой фонтанной струей и небольшой теплицей. Я

обернулась – Бомбер продолжал сидеть, размахивая обрубок хвоста. За пластмассовым столиком у мангала с кованой крышей сидел дедушка Васи и Никиты – дед Егор, ветеран ВОВ, контуженный на одно ухо. Мы с ним как-то оказались рядом на дне рождения у Васиной тети – он всё время просил меня о чём-то: то подложить ему ложку оливье, то подать бутербродик с икрой. Под поливалкой у цветочной клумбы в одних плавках стоял маленький мальчик – видимо, сын Никиты. Увидев нас, он убежал на крыльцо и скрылся в доме.

– Стесняется... Он у нас воспитанный – переоденется и придёт, – Никита подвинул стулья, приглашая нас за стол.

– Добрый день! – сказала я, садясь, деду Егору, но он молча жевал сушки зубными протезами и не обращал на нас внимания.

На столе, не покрытым скатертью, были только стаканы, пустые тарелки под шашлык, пачка маковых сушек, а также кола и бутылка виски.

– Jack Daniels? А ты, брат, живешь красиво! – Вася крутил в руках бутылку, рассматривая со всех сторон этикетку.

– А то! Так, вы пока посидите, а у меня тут шашлык уже на подходе – сейчас принесу, – Никита снял с мангала решетку с кусками свинины, раскрыл зажим и сгрёб шашлык в миску. – Айн момент!

Никита поставил на стол миску, полную мяса, – от крупных кусков свинины ещё пахло дымком. Дед Егор выгреб из кармана пиджака сушки и засунул их обратно в пачку. Из

дома вышел сын Никиты в джинсовых шортах и майке с машинками из фильма «Тачки», тихо поздоровался и сел рядом с отцом.

– Всё, налетайте! В большой семье ртом не щёлкай! – Никита положил себе на тарелку верхний – самый большой и сочный кусок.

– А кетчуп будет? – спросил сын Никиты, скребя вилкой по пустой тарелке.

– Жень, маму позовёшь – будет, – Никита кивнул в сторону дома – и Женя молча ушёл из-за стола.

– А я думала, она на работе, – шепнула я Васе.

– Нет, у них ребенок маленький. Я не рассказывал? Анечка, дочка, шесть месяцев. Всё время, понимаешь, отнимает, – Вася аккуратно разрезал свинину на маленькие кусочки и клал их один за одним в рот.

– Эй, – меня дёрнул за рукав дед Егор так, что я вздрогнула, – подай мне кусок мяса! – он мог бы сам положить себе шашлыка, если бы протянул руку.

– Вам какой: этот сверху поменьше или тот, снизу, побольше, но с о жарками?

– Чего? Я говорю: кусок мяса мне подай. Не хочу я твоей селедки.

Я положила ему на тарелку тот, что был покрупнее. Он разрезал кусок на две части и тут же впился в одну из них протезом.

– Ну, скоро там кетчуп? – Никита взял очередной кусок

мяса из пустевшей миски.

Из дома вышел Женя, а за ним женщина чуть за тридцать, с волосами, собранными в небрежный пучок, в лосинах и в красной футболке с надписью Turkey.

– Где ты там всё бегаешь? – прожевывая шашлык, спросил Никита – я видела, что у него между зубов застряли кусочки белого мяса. – Ты за стол садиться вообще будешь?

– Да я попозже – я Анечку ещё не покормила, – его жена поставила на стол бутылку кетчупа, усадила сына и порезала ему в тарелку шашлыка.

– Здравствуйте! – я отложила приборы и с улыбкой посмотрела на жену Никиты.

Она затянула потуже пучок на голове и, улыбнувшись чуть кривыми зубами, ответила мне «Добрый вечер».

– Привет! – сказал Вася, отхлебывая колу из бокала – она слегка кивнула ему в ответ.

– Надо бы ещё одну партию поставить, – Никита положил последний кусок свинины на пустую тарелку и отдал грязную миску жене. – Ты отнеси, пожалуйста, и возвращайся – я тебе мяса оставил – ешь, пока никто не позарился! Анечка твоя подождет. А то перед гостями как-то неудобно даже, да? – он посмотрел на Васю, а тот лишь пожал плечами. – Ни салата не нарезала, ни закуски не положила – всё Анечка да Анечка...

Жена Никиты подняла грязный таз и бесшумно ушла. С тазом наперевес она была похожа на крестьянку с коромыс-

лом на одно плечо. Дед Егор что-то серьёзно и вкрадчиво объяснял Никите, Вася смеялся, а Женя не обозначал своего присутствия, молча поедая шашлык.

– А теперь самое время выпить, – Никита поднялся, налил всем виски и торжественно выдохнул. – Сегодня я хочу поднять этот бокал за... – и в этот момент Женя опрокинул на себя стакан, полный пенящейся колы. Никита осекся, а потом посмотрел на сына и дал ему выразительный подзатыльник – его рука быстрым и отточенным движением коснулась шеи Жени. Женя посмотрел на свою залитую колой футболку и поднял на меня глаза, в которых застоялись две большие слезинки.

– Вася, он ударил ребенка... Вася... – я теребила Васю за край футболки под столом, но он отвёл мою руку.

– Тихо, тихо. Дело семейное...

– Пойдём! – сказала я Жене, – пойдём замочим твою майку, чтобы не было пятен, хорошо? – я вышла из-за стола и, взяв Женю за руку, увела его к пруду.

Никита продолжал молча стоять, держа стакан виски, Вася смотрел в дыру в заборе, а дед Егор доедал сушки.

– А папа часто так делает? – спрашивала я у Жени, снимая с него майку.

– У-у, – он неопределенно мотал головой.

Вася встал, опершись о край стола, начал о чём-то шептаться со своим братом. Я засунула майку под струю фонтана, а Женя растерянно стоял, вода шлёпанцем по сырой зем-

ле.

– Такое впервые происходит, правда... Он, конечно, резкий, но чтобы так – никогда, – Вася вдруг возник сзади и провёл рукой по моей спине. – Мы сейчас сядем опять за стол, и он извинится и перед Женей, и перед всеми остальными, идёт? – он развернул меня к себе и улыбнулся.

– Идёт, – я поцеловала его в лоб, и мы вместе с Женей вернулись к столу. Вася чуть отстал от нас, чтобы повесить сырую майку на бельевую верёвку.

– Дорогие гости, – Никита подтянул треники и улыбнулся мне, – простите за такую оплошность с моей стороны. И ты, Женька, прости – я ещё выпить не успел, а уже дурной... Вот... – он щёлкал пальцами по стакану с виски, раздумывая, что сказать дальше.

Вася запутался в мокрой простыне, висевшей на верёвке, – он хотел пройти мимо, но порыв ветра задул большую белую простыню в его сторону. Мы все посмеялись. Из дома тем временем вышла жена Никиты, но уже не с пучком, а с хвостиком и с тарелкой пирогов в руках. Такие продаются в кондитерском отделе в «Перекрёстке».

– Как ты вовремя! А я как раз хотел сказать тост за прекрасных дам! – Никита радостно ущипнул жену за бок.

– Ай, не надо! Пирогі ещё уроню! – она, смеясь, поставила на стол тарелку с пирогами и села слева от мужа.

– За то, чтобы вы, женщины, все были не просто замужем, а за́ мужем! Чтобы цвели и радовали нас! Ну, что? Пьём? –

Никита разлил всем, кроме Жени, виски в стаканы.

– Пьём! – крикнул Вася и чокнулся с братом.

– Да что это за моча? – выпив, дед Егор начал размахивать пустым стаканом. – Ты пойдё водочки мне принеси, – он поставил стакан перед женой Никиты.

– У нас нет водки. Никита же только виски пьёт... – она подвинула стакан обратно к деду.

– Пиво? Да не пью я эту слабоалкогольную бодягу! Ты дай мне...

– Дед, харе! У тебя уже там перепел что ли? – Никита забрал дедов стакан и налил туда ещё виски, – пей и не бузи! – дед Егор сразу затих, а Вася протянул ему несколько сушек из пачки.

– Вась, Вася... – я наклонилась к нему. – А где здесь туалет?

– Надо ещё шашлыка пожарить. – Никита печально смотрел на полупустой стол. – Я тогда пойду огонь разведу, чего тянуть, да? – он достал спички из кармана и пошёл к мангалу.

– Да я не знаю, если честно, – прошептал мне Вася, – у них раньше был туалет на улице, а сейчас появился санузел где-то в доме.

– Слушай, а как зовут жену Никиты? Может, она...

– Вася! Иди сюда! Надо за углём в сарай метнуться! – Никита выгреб последние угольки и стоял с опустевшим мешком в руках.

– Да, сейчас! – Вася резко встал, опрокинув пластиковый стул, – я скоро вернусь, солнце, – он прикоснулся к моей щеке коротким поцелуем и, поставив стул на место, отправился за углём.

Жена Никиты собирала в ладонь крошки со стола, пока дед Егор угощал Женю сушками. Женя морщился, но жевал.

– Девчонки, может, вы салата порежете? Мяса принесёте? – спросил Никита и поджёг угли, а Вася взял картонку, чтобы подгонять дым.

– Пойдёмте? – жена Никиты подозвала к себе сына и пригласила меня в дом.

В прихожей, оформленной в светло-зелёных тонах, стоял белый деревянный шкаф с зеркалами, а возле него, на тумбе, была ваза с искусственными орхидеями. Жена Никиты провела меня через коридор, где был выстелен ковер с узорами в виде маленьких светло-розовых бутонов, на голубую кухню. За белым круглым столом были стулья с тёмно-синей мягкой обивкой, а в навесных шкафчиках стояла фарфоровая посуда.

– У вас здесь так красиво! Такие милые шкафы, пастельные цвета... Снаружи вроде бы самый обычный кирпичный дом, а внутри такое чудо!

– Спасибо. Мне очень приятно, – жена Никиты нарезала огурцы в глубокую тарелку, а я подавала ей помидоры. – Вообще я по образованию дизайнер интерьеров, поэтому

стремление к красоте у меня профессиональное, – она улыбнулась и положила помидор на разделочную доску. – Я с детства мечтала иметь свой дом, самой его обставить, чтобы на участке был маленький прудик, бассейн, – она выдавила немного майонеза в салат и перемешала огурцы с помидорами. – Почти всё так и вышло – только бассейна не хватает. Муж против. Говорит, что бассейн соорудить – ерунда. А вот ухаживать за ним – это долго и муторно. Да и куда нам? Вон, двое детей – я в декрете, один Никита работает. Кому там уже до моей блажи? Поставите салат на стол? Я сейчас мясо с вами отнесу, а потом опять к Анечке пойду – надо проверить.

– Да... Но не подскажите, где здесь туалет?

– Прямо по коридору и направо – увидите, в общем. А я тогда сама всё отнесу, – жена Никиты ловко подхватила огромный салатник и миску с замаринованным кусочками свинины и вышла из кухни.

* * *

Когда я вернулась на улицу, Вася с Никитой были на перекуре. На подставке, приваренной к мангалу, стояла миска с шашлыком. Никита затушил окурок подошвой тапка и, взяв миску, аккуратно сложил куски мяса на решётку. Вася обнял меня свободной рукой, и мы вместе встали у огня, наблюдая, как Никита придерживает решётку. До меня долетали клоч-

ки горящей бумаги – и Вася отвёл меня в сторону. Он затушил сигарету о мангал, и мы пошли гулять по участку.

Уже вечерело. Мы надели толстовки и гуляли от одного конца забора до другого, чтобы нагулять аппетит. После пирогов есть не хотелось, а тем более шашлыка, но воля хозяйина – закон.

– Представь, что через много лет и у нас будет такой дом, и шашлык будет, и деда к нам на лето будут отправлять... – Вася развернул меня и кивнул на уснувшего за столом деда Егора.

– А ещё у нас будет шестеро детей, которые вытопчут весь газон! Всё по заветам того бомжа.

Вася рассмеялся и крепко обнял меня.

Никита велел нам отвести деда Егора обратно в дом. Мы взяли его под руки и, не зная, куда деть, оставили на диване прямо в прихожей. Дед сначала пытался ругаться с нами, но потом сам сел на диван, прикрыл глаза и велел катиться отсюда.

Вскоре мы все собрались за столом. И жена Никиты даже вынесла Анечку – спящую девочку с крошечными ножками, в розовом боди. Мы с Васей ели салат, пока Никита наворачивал куски и рассказывал армейские истории. Клоунило в сон. Кажется, я их уже где-то слышала или смотрела в сериале «Солдаты». Мама отправила Женю спать, и он, еле слышно пожелав нам спокойной ночи, незаметно исчез.

Когда Никита понёс спящую дочь в детскую вслед за же-

ной, уносящей на кухню грязную посуду, я попросила Васю вызвать такси. Стоило Никите с женой вернуться, как Васе пришло оповещение о том, что машина подъехала.

– Ты к нам почаще заглядывай, всё-таки братья, – Никита обнял Васю, уже стоя у калитки, – и девушку свою приводи. Надеюсь, породнимся, – он посмотрел на меня чуть пьяными и потому блестящими глазами и поцеловал мою руку.

Вася с Никитой побежали к машине, чтобы сложить пакеты с гостинцами (домашними огурчиками и помидорчиками) в багажник. Ко мне подошла жена Никиты и слегка меня приобняла.

– Очень рада, что вы у нас побывали, что всё понравилось... Вот только я так и не узнала, как вас зовут. У мужа спросила – он тоже не в курсе.

– Наташа... А ему разве Вася не сказал? – я растерянно посмотрела на Васю, который в этот момент закрывал багажник. – Да и я тоже всё хотела спросить, как вас...

– Ты там долго ещё? У водителя таймер! Давай скорее в машину! – крикнул мне Вася.

Я обняла напоследок жену Никиты и села к Васе на заднее сиденье. Никита и его жена махали нам вслед.

– Десять лет вместе – и какая семья! – Вася взял мою ладонь в руку и поцеловал мой указательный палец. – А сейчас мы ко мне поедем?

– А как же иначе!

Я обняла его шею и прикусила за мочку уха. Старый во-

дитель-грузин смотрел на нас через зеркало заднего вида и слегка посмеивался.

